

ОЛЕГ ГОНЧАРОВ

НОЧЬ СВАРОГА

КНЯЖИЧ

Олег Гончаров

Ночь Сварога. Княжич

«Издательские решения»

Гончаров О.

Ночь Сварога. Княжич / О. Гончаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830740-9

Когда вокруг враги, когда рядом гибнут друзья, когда каждое мгновение может оказаться последним — взрослеешь быстро. Сегодня княжий сын, завтра бесправный раб, а послезавтра... так далеко не загадывает последний мужчина древнего славянского рода. Цикл «Ночь Сварога» для тех, кому надоели выдумки про «засланцев» и «попаденцев», для тех, кто ценит хороший приключенческий исторический роман в духе Вальтера Скотта и Валентина Иванова, для тех, кому интересна история Руси.

ISBN 978-5-44-830740-9

© Гончаров О.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
29 декабря 936 г.1	7
30 декабря 936 г.	8
3 июля 942 г.	10
6 июля 942 г.	15
8 июля 942 г.	22
Глава вторая	28
7 июля 942 г.	28
9 июля 942 г.	34
10 июля 942 г.	37
12 июля 942 г.	45
Глава третья	58
16 июля 942 г.	58
21 июля 942 г.	61
24 июля 942 г.	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ночь Сварога Княжич Олег Гончаров

Девочке моей, без которой ничего бы не было.

*«Вот прилетела к нам птица, и села на дерево, и стала петь,
и всякое перо ее иное, и сияет цветами разными. И стало в ночи, как
днем, и поет она песни о битвах и междоусобицах...»*

Велесова Книга (III 8/2)

© Олег Гончаров, 2016

© Сергей Кузьмин, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-0740-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Красное солнце медленно выбиралось из-за горизонта. Над землей разливался новый день. День радости и скорби. Побед и поражений. Удач и несчастья.

А на земле шла битва. Битва жестокая и беспощадная. Бессмысленная и нелепая. Битва между Добром и Злом. Только чем отличается Добро от Зла, если и то и другое проливает кровь и отбирает жизни? Да и на чьей стороне Добро, а на чьей Зло?

Кони ржали. Мечи сверкали. Раненые стонали. Победители радовались. Побежденные молили о пощаде. И только мертвым было уже все равно...

– Болярин! Болярин! Смотри! Дрогнула русь! Вырвутся поганцы!

– Не вырвутся! Никифор, где твои черноризники?

– Здесь они, Добрыня! Давно! Воины Боговы готовы!

– Выручайте, отцы!

– Отойдите-ка, ребяташки.

Я невольно попятился, когда Никифор со священниками вышли вперед.

– Господу помолимся! – точно пробуя голос, затянул поп.

И над головами нашими взметнулся стяг с ликом Спаса Ярого.

– Да, воскреснет Бог! – густой Никифоров бас поплыл над полем, заглушая звон оружия. – И расточатся врази Его... – подхватили черноризники. – И бегут от лица Его ненавидящие Его... яко исчезает дым, да исчезнут...

Глава первая Детство

29 декабря 936 г.¹

– ...плачет Сварог, плачет Лада, а птица Сва мать Сушего, им говорит: «Не плачь Дед, не плачь Баба, велел мне Род снести вам новое яичко, да не золотое, а простое». И снесла Мать Сва яйцо и появилась Явь, и живем мы в Яви, и чтим Рода, и слушаем песни птицы Сва, и славим предков своих. И будет так до скончания века...

– Бабуль, так мы в яйце живем?

– Да, унучек. В яйце.

– А если разобьется оно?

– Не разобьется. Белобог не позволит. Крепко он то яйцо стережет. А ты спи. Спи. Завтра вставать рано. Чуть свет на гон пойдете. Мужики бодро потопают, а ты носом клевать будешь. Смеяться все над тобой станут. Скажут, Добрыня только шалить да проказничать горазд, а для мужского дела негоден.

– Я сплю, бабуль, сплю. Ты только мне вот, что скажи: а что если Чернобог Белобога одолеет? Что тогда?

– А ничего. Мать-Сва новое яичко снесет. Спи...

¹ Для удобства читателей летосчисление дано в современной хронологии.

30 декабря 936 г.

Надрывно скрипит снег под снегоступами. Шаг левой, шаг правой... и снова... левой...
Только бы сдюжить. Только бы не отстать. А то и вправду засмеют, как маленького...
Левой, правой. На три шага вдох, на один выдох. Как отец учил. Чтобы с ноги не сбиться,
чтобы не упасть. Чтобы наравне со всеми...

– Добрыня, смотри красота какая!

Я даже не заметил, что отец остановился – со всего маху врезался головой ему в поясницу.

– Ой, ой, ой, – притворно застонал он и повалился в снег. – Зашиб меня совсем. Ой,
не могу. Ой, помираю.

И засмеялся. Звонко. Радостно.

– Смотри, Хорс на небо выкатил! Дажьбоже, слава тебе!

– Слава Дажьбогу – охранителю земли Древлянской! Слава!

Охотники скинули меховые треухи и поклонились вековым елям. И бор ответил им одоб-
рительным гулом.

– Славься, Дажьбоже!

И я поклонился. Усталость прошла. И радость нахлынула теплой волной.

Перевел дух. Огляделся. А и вправду, красота-то какая!

Крепостными стенами возвышался бор по обе стороны запорошенной тропы. Разноцвет-
ными искрами брызнул от покрытых пушистым снегом еловых лап солнечный свет.

Гранитные валуны пращурами строго глядят из сугробов. Интересно им, как там внуки
Покровителя славят. И довольно молчат. Значит, по Прави все.

Ветер стих. Ни одна ветка не колыхнется, точно замер бор. Словно притаился, чтобы
не нарушить утреннего покоя.

И только собачий лай будоражит тишину.

Собаки, точно щенки. Носятся кругами. В снегу кувыркаются. Будто не лают даже, а пере-
дразниваются между собой. Забаловались совсем.

А воздух вкусный! Весной пахнет.

Мороз, а тепло. И небо чистое. Лазерное. Бездонное. Подняться бы вольной птицей
высоко-высоко, к самому Солнцу. Поклониться Покровителю и попросить, чтобы крепче Бело-
бог яйцо мировое стерег. А то жалко терять красоту-то такую...

– Сыне! Ты чего мешкаешь? Пора уже. Ну-ка, двигай снегоступами. А то, не дай Боже,
застудишься...

И опять. Левая – правая. Три шага вдох. Один – выдох...

– Будешь здесь, за лещиной, ждать, – отец бросил рогожу на снег. – Сиди тихо. заметишь
серых, не пугни их. Пусть себе стороной проходят. А ты примечай, куда побегут. Как уйдут,
в рог дуй. Либо я, либо кто из загонщиков к тебе поспешит. Если что, лук у тебя справный.
Да и нож я вчера хорошо наточил. Не забоишься?

– Нет, батюшка. Чего мне бояться. Что я, волков не видал?

– Ладно тебе хорохориться. Я в свой первый гон страсть как боялся. Ничего в том постыд-
ного нет. Перед делом от чего ж не побояться. Главное, чтоб испуг над тобой во время дела
верх не взял...

И он ушел.

А я ему в след смотрел и чувствовал, как страх медленно забирается мне за ворот.

– Да что я, волков не видал? – сказал я себе громко, когда фигура отца растворилась
в чаще.

Ждать пришлось долго. Первый страх давно забылся. Да и некогда было на него силы тратить. Холод, тот хорошо боязнь гонит.

Я ждал и грелся. Тихонько, как охотники учили. И мороз отступает, и заняться есть чем...

Интересно, а бабуля пирогов напечет? Должно быть, точно напечет. Горячих. Пышных. Вкусных...

А мальчишки завидовать станут. И Славдя – гончаров сын, и Ратибор. Только Гридя виду не покажет, хотя сам больше всех завидовать будет. Губу скривит и скажет: «Не был бы Добря княжичем, никто бы его на гон не взял. Вот если бы меня... я б тогда не только на следу стоял. Я бы сам серого добыл». Только не взяли его. А меня взяли. И я сам могу волка добыть. Да еще не просто какого-нибудь годка, а самого что ни на есть матерого хозяина. Пусть тогда хоть обкривится...

Замечтался. Так, что не сразу услышал нарастающий шум. Приближались загонщики. Значит, скоро и до меня доберутся.

Я застыл, всматриваясь в чашу. Даже про мороз забыл...

И вдруг почувствовал, что кто-то смотрит мне в спину.

Плохо смотрит. Недобро. И страх вернулся. Противно пробежался по спине и замер где-то в пятках. Их аж свело.

Я крепче сжал лук с наложенной на него стрелой. Повернулся... и наткнулся взглядом на желтые волчьи глаза.

Они смотрели на меня спокойно и безразлично. Точно меня не было вовсе. Так люди смотрят по весне на надоевшую за зиму кашу. На изношенный трех, который выкинуть жалко, и чинить невмоготу.

Этот взгляд продирает до самых костей сильнее мороза.

Я вскочил. Да так и замер. Точно тело мое превратилось в ледышку. Забыл и про Гридю, и про бабулины пирожки, и про лук с каленой стрелой, что сжимал побелевшими пальцами.

Несколько долгих мгновений мы смотрели друг на друга. Мальчишка и лесной хозяин...

А потом он спокойно прошел мимо меня и скрылся в кустарнике. И только цепочка следов на снегу осталась, как память о том, что все это не было дурным сном...

И тогда я почувствовал, как по моей правой ноге бежит горячий ручеек...

И стало стыдно.

И я заревел. Уже никого не стесняюсь. Заревел в голос...

Я проснулся от слез... Собственных слез. Стыд и обида. И еще что-то неуловимое. Похожее на безвозвратную потерю. На сказку с плохим концом. На ложь. На Навь. Полоснуло по сердцу и затаилось где-то на самом доньшике души. И вдруг полыхнуло желтыми волчьими глазами...

Душно. Хочется квасу и свежего воздуха...

3 июля 942 г.

Лето выдалось дождливым. Точно и не лето вовсе, а затянувшаяся весна или ранняя, слишком ранняя, осень.

Огнищане грозили кулаками вечно беременному, серому небу и кляли Перуна за его мерзкий характер. А тот грозился недородом, посмеиваясь громом над Дажьбожьими людишками.

А Дажьбог спал. Опоенный Марениным зельем да Кошечевым наговором. Оттого-то и не смел бороться Хорс-Солнце с Перуновым воинством. И тучи, захватив небесную вотчину спящего Бога, все сыпали и сыпали на землю холодные стрелы дождя.

И сколько ни старались ведуны... Сколько ни пели корогодных кощунов... Сколько верховный ведун Гостомысл ни кропил алой вороньей кровью белый алатырный камень перед Священным дубом на Высоком Святище... Только не просыпался Боже. Видно, по зиме плохо просили Коляду или замешкался тот со своей летучей ладьей. Впрочем, кто теперь разберет...

Тот день был на редкость солнечным. Словно устал Перун от бесконечного водолития. Передохнуть решил. Да и нам передышку дал. А мы и рады.

Гридя все новыми крючками похвалялся. Кость на крючках гладкая была. Он их сам не один день точил. А потом еще дольше за щекой носил. Оглаживал. Вот и важничал. Похвалили мы снасть. В деле испробовать решили.

Собрались быстро – и на речку.

Спустились с высокой Коростеньской кручи к берегу Ужа. Сели под Святищем да и забросили. Сидим. Поклевки ждем. А рыба приснула, не хуже Дажьбога в Пекле. Не клюет. А нам и не надо особо. Сидим, на солнышке греемся.

На другом берегу, в Дажьбоговом доме, Гостомысл на послухов ругается. Видно, осерчал за что-то. Нам не слышно, за что ведун их корит. Только видно, как он руками размахивает, да ногой притопывает.

– Смотри, Добря, как ведун отплясывает.

Смешно. Только виду не подаем. Не дело над Божьим человеком потешаться.

Тут смотрим, идет по берегу Белорев-знахарь. Траву какую-то собирает. К нам подошел. На речку взглянул. Хмыкнул по обыкновению.

– Что ж вы, – говорит, – огольцы, в такую погоду удить вздумали?

– Так мы не удим, – нашелся Гридя. – Просто снасть новую попытать решили.

– Ну-ка, покажь, – Белорев подошел поближе, да оскользнулся.

Брызги поднял, когда в реку бултыхнулся. Если и была в Уже рыба, всю распугал. Тут мы не выдержали. В голос смеяться начали. Он из реки вылез. Мокрый. Злой. Почем свет ругается.

– Вы, – говорит, – не Дажьбоговы внуки, а Маренины дети. И не совестно вам?

А на нас словно смехун напал. Ржем, как кони, и остановиться не можем.

А тут еще другая напасть приключилась.

Сквозь смех вижу, как Ратибор маленький к нам от Святища спускается. Спешит. Кричит что-то. Да, видно, не углядел за тропинкой. Споткнулся. Кубарем покатился. Рубаху о гранит продрал. Плечо – до крови. Тут уж не до смеху нам стало. Подбежали мы к нему, а он навзрыд плачет. Аж заходится.

Белорев про недавнее купание забыл. Подлетел к нему, на руки поднял. На рану дует.

– Княжич, тащи сумку мою.

Я сумку притащил. Знахарь из нее лист подорожника достал. Пошептал над ним что-то, да к царапине приложил.

– Тише, тише, – приговаривает. – Сейчас боль отпустит. Ты успокойся.

Ратибор и впрямь успокаиваться начал.

– Вы сидите тут, – сквозь слезы причитать стал, – а там ятвиги всполошились.

Мы и про рыбу, и про крючки новые позабыли. К Коростеню рванули. А там, на стогне, уже народ собирается. Шумит. Ятвигов ругает. Говорят, будто вырвался от них израненный ратник. Еле добрался до древлянской заставы граничной. И перед смертью успел передать слова от ятвигов: не хотим, де, ругу давать Древлянскому столу. А еще сказал, что перебили те малую дружину, городище спалили, а со Славуты-посадника, живого, кожу сняли. Видно, забыли, как три лета назад отцу в ноги кланялись, чтоб он их от мазовщан оборонил. Пощумели и решили, что нельзя такое без ответа оставлять.

Ничего не сделать. Пришлось отцу большую дружину собирать. Идти к ятвигам Правь наводить. Мать меня отпускать не хотела. Говорила, мол, мал еще. А отец только посмеялся. Я, говорит, тоже Мал, да только мал Малу рознь.² С тобой Малуша останется, а старшего я все же с собой возьму. Пора уже.

Тут и я слово вставил:

– Пойду я, мама. Отец в моих летах с дедом Нискиней был, и вместе от Полян отбились. А мама обняла меня, прижала крепко, как маленького, и сказала:

– Что тут поделаешь. Иди.

И я пошел. И Славдю с Гридей тоже взяли. А Ратибора оставили. Вот тот уж точно был маловат.

Приставили нас к лучникам. Под начало старого отцова болярина Побора. Мы были счастливы. Облачились в кованые шишаки, наручи и нагрудники из толстой воловьей кожи. Получили по полному боевых каленых стрел колчану. Оружейник княжий Жирот подогнал подшеломники по нашим головам.

– Это чтобы шишаки на ушах не болтались.

А заодно обновил и усилил наши луки. Костяные пластины на их плечи наложил. Так, что теперь они на шестьдесят шагов стрелу слали.

– Почти как настоящие. Боевые, – довольный работой, хмыкнул Жирот, да еще нам по ножу выдал.

Мы ножи нацепили. На конюшню заскочили. Уздечки у конюших взяли, и вон из града.

Узда плетеная на плече. Тяжелый боевой нож в деревянных ножнах на поясе. Ножны приятно стучают по коленке. А меня гордость распирает.

Грида от меня по правую руку, Славдя по левую. Идем по Коростеню, а народ нам вслед улыбается.

С высоко поднятыми головами прошли мы через стогнь³.

– Эй, люди, смотрите, какие вои⁴ у нас объявились, – стражник у ворот рассмеялся при виде нашей ватаги. – Ну, теперь ятвигам несдобровать. И куда ты со своей дружиной, княжич?

– За конями мы, – отвечаю, – на дальний луг. А то как же мы без коней в поход пойдем?

– И то верно, – смеется стражник и дорогу нам уступает.

А мы за ворота вышли и припустили...

Добежали до луга, в духмяную траву кутырнулись...

Лежу. Надышаться не могу. Руки раскинул. В небо смотрю. А по небу облака катятся...

Сердце ухает. Вот-вот из груди выпрыгнет...

Кузнечики стрекот подняли. Радуются, что Дажьбоже ненастье разогнал.

² Игра слов. Князя Древлянского, отца Добрыни, звали Малом.

³ Стогнь – площадь перед княжеским теремом-детинцем. Здесь собирались жители города на Вече.

⁴ Вой – воин, ратник.

Где-то недалече кукушка заухала...

– Кукушка, кукушка, сколько мне жить осталось? – это Славдя голос подал, отдышался видать.

А кукушка на пол-куке поперхнулась. То ли спугнул кто, то ли Славдина вопроса не слышала.

– Ух, и покажем мы этим ятвигам, – Грися на ноги первым вскочил. – Ишь, придумали – с живых людей кожу драть! – и кулаком погрозил.

– Дядька Славута хорошим был, – сказал я. – По прошлой весне свистки из ветловых веток нам делал.

– А теперь уж, наверное, в Сварге с прашурами пирует, – вздохнул Славдя.

– Ну, и чего развалились? – это уж Грися на нас. – Вон глядите, наволочь напоздает. Как бы опять дождь не пошел...

Коней своих мы быстро отыскали. Они у опушки паслись. И мой Гнедко, точно почуяв скорую дорогу, нетерпеливо фыркнул, когда я снимал с него путы и прилаживал узду.

– Зря ты, Добря, Гнедка в поход берешь, – сказал Грися.

– Это еще почему?

– Так ведь он у тебя на ровном месте спотыкается, – и рассмеялся обидно.

– Это твой Каурый до ятвижского удела не дотянет, – огрызнулся я. – Копыта отбросит, придется тебе пехом топтать.

– А ты не задирай, – на этот раз обиделся Грися. – Славдя, рассуди. Чей конь справнее?

– Да ну вас, – махнул рукой Славдя.

– Ладно, – Грися ласково похлопал своего коня по шее и через миг уже сидел верхом. – Во-о-он до той сосны, – показал он рукой. – Кто быстрее, тот и смелый. Идет?

– Что на кон ставишь? – усмехнулся я, садясь на Гнедко.

– Два пинка по заднице, – поправил он свой нож, чтоб не мешался, и добавил:

– Пыром!

– Эх, – почесал я затылок, – жаль мне тебя, Грися. Мало того, что ты об коборошку своего Каурого себе яйца стешешь, так я тебе еще и задницу отобью.

– Ты лучше за своими смотри, а то, не ровен час, ножиком отчикаешь, – притворно вздохнул он. – И останется князь Мал без внуков.

– О-о-о, расхорохорились, – Славдя уже тоже сидел верхом на своей Ласточке. – Что вам? Делать что ли неча? – а сам вдарил пятками в бока кобылке и поехал потихоньку к Коростеню.

– Эй, Славдя, погоди, – окликнул я его. – Ты нам знак-то подай. Чтоб по Прави все.

– Хорошо, – натянул он поводья. – По свистку моему...

Вложил он пальцы в рот, да, ка-а-ак свистнет! Горазд он в этом деле...

Я повод рванул.

– Вперед, Гнедко!

И понеслись...

Туго ударил ветер в лицо. В ушах засвистел.

Грися на своем Кауром, попервости, вперед вырвался. Только и мы с Гнедко не лыком шиты. Конь мой, словно понял, что ристанье у нас. А может, у него с Каурым свои счеты были. Наподдал он так, что я чуть на землю не слетел. Но удержался. Крепче только ногами его крутые бока обжал. Да повод покороче подобрал.

А Грися на куропачий выводок налетел. Порхнула куропачь из-под ног Каурого. Пугнулся он. Чуть вправо принял. Тут Гнедко его и настиг.

– Что? – кричу. – Коник-то твой с ноги сбился!

– Ничего, – он мне в ответ. – До сосны далеко. Еще выправится. Ты за своим следи. Он у тебя сейчас от натуги дух испустит. Гей! Жги!

Несемся дальше...

Только гривы у коней по ветру вьются. Да Мир Дажьбогов мимо мчится...

Скачу, а спиной чувю, что нагоняет Гридя. Оглянулся – точно! Уже морда гриденного коня совсем рядом. Глаз у Каурого бешеный, а зубьями желтыми норовит меня за плечо хватануть.

– Откшни! Кошечев выкормыш! – отмахнулся я от него.

И вновь только глухой стук копыт по волглой земле. Конский храп, да тяжелое дыхание...

А сосна заветная все ближе и ближе...

Понимаю я, что моя берет! Ору радостно! Да видно рано радовался...

Оступился Гнедко. Споткнулся. И хоть на ногах удержался, но ход потерял. Так что мимо сосны мы с Гридей разом пролетели. И кони наши ноздря в ноздю пришли.

Осадил Каурого Гридя. На землю соскочил. Ко мне бежит, а у самого ноги, от натуги, в раскоряку. Коленки свести не может.

– А-а-а, – кричит, – одолели мы вас! Сползай наземь да на карачки становись! Сейчас я тебя!.. Пыром! – и рожу страшную скорчил.

– Это, как это так?! – закипело во мне. – Где же вы нас одолели?! – я то же с коня спустился, встал супротив, руки в боки, чувю – и у меня ноги свело, но виду не кажу. – Не одолели вы нас. Ничья не взяла. Ровно кони пришли. Я хорошо видел!

– Где же ровно? – не унимается Гридя. – Мой Каурый твоего Гнедка на полголовы обскакал! Подставляй задницу!

– И не подумаю! – говорю. – Не по Прави это!

– А так по Прави будет? – вопит Гридя и... хрясть меня кулачиной в ухо.

Тут уж я не выдержал. Хрясть ему в ответ.

Сцепились мы...

По траве катаемся...

Я его луплю – он меня...

То я сверху, то он надо мной. Каждый свою правоту доказывает. А один другого одолеть не может...

Только вдруг, почувал я, как сила неведомая меня от Гриди отрывает и вверх подымает. Я руками-ногами размахиваю, а поделать ничего не могу. Даже удивиться не могу. Не успеваю...

А сила меня на землю опустила и... как гаркнет человеческим голосом:

– Что же вы, Маренины дети, творите? Как же вы перед дальним походом коней полите?

Огляделся я, а это Путята-отрок нас растянул. Мы в пыли и не заметили, как он к нам подошел. Вон и дружки его, Ярун со Смирным, коней наших придерживают. А те уж сами в драку друг на друга готовы броситься. Кони-то боевые.

– Как не совестно вам! – корит нас Путята. – Как не стыдно? Вот ведь вороги наши радоваться будут тому, что княжич древлянский с дружкой своим схлестнулись. Шишек друг другу наставили.

– А мы что? Мы ничего, – повинился я.

– Мы ничего, – поддакнул Гридя, размазывая по щекам кровавую юшку.

– «Ничего-о-о...» – передразнил нас Путята. – Идите-ка к Ужу, да рожу умойте. А коней в поводу ведите. Чтoб поостыли.

– Ты только это... отцу не говори ничего, а то завтра нас с собой не возьмет, – сказал я ему.

– Что ж я? Совсем, что ли?..

Мы у речки коней напоили. Сами умылись. Тут и Славдя на Ласточке подоспел.

– Ну, – говорит, – и чья же взяла?

– А ни чья, – ответил ему Гридя, прикладывая мокрую тряпицу к переносице. – Кони вровень пришли.

На том и успокоились.

Ранним дождливым утром мы выступили из Коростеня...

Если бы я знал тогда... если бы знал... но людям неведомо, к чему приведут их те или иные дороги. Оттого-то и интересно жить на белом свете. Ведь жизнь так похожа на игру. Игру, в которой все время меняются правила...

Нет. Не могу больше... Придется будить кого-то. Горло пересохло. После вчерашнего. Да. Изрядно выпили вчера меда пьяного. А все Пулята. Дернуло же меня с ним в питье тягаться. А он и рад. В тавлеи проиграл. На руках я его поборол, так он решил на хмельном отыграться... Здоров пить воеводушка...

Похмелье – дело тонкое. И нудное. Знаешь ведь – пройдет время и все уляжется. И гонишь, подгоняешь его, а оно, как будто издевается. Не бежит, не идет даже – ползет улиткой, тянется ужом, и плевать ему на то, что в голове дыра, а во рту точно мьиши ночевали. Тьфу! Пропать!

Нет. Квасу бы. Позвать кого, что ли? Нельзя. Негоже, чтоб меня в таком виде отроки узрели. Потом пересудов не оберешься...

6 июля 942 г.

По раскисшей от дождей земле кони скользили, как по льду. Славдя даже с Ласточки свалился. Прямо в лужу. Вот мы тогда с Гридей посмеялись. Он все своим новым плащом кичился. Сестра ему соткала, а мать в травах выкрасила. Сливался плащ с бором. Таиться было в нем хорошо. В шаге не видно. Он и нос задрал. Берег плащ. На привалах под себя не стелил. Все норовил на наши плащи пристроиться. И вот ведь какая промашка вышла...

– Ну, теперь тебе только по болотам засады устраивать, – привычно скривив губу, потешался Гридя. – Смотри, Добря, какой красавец из него вышел. Считай, Славдя, что все ятвигские девки уже твои.

Липкая жижа накрыла Славдю с ног до головы и превратила его плащ в обычную грязную дерюгу.

Он молча размазал ладонями грязь по щекам. Сел на кобылку и гордо проехал мимо.

Это нас еще больше развеселило.

– Ну, чего разгоготались! – окрикнул нас болярин Побор. – Вы на себя посмотрите. Не хуже Лешаков повымазались.

И верно. Черная грязь из-под копыт не пощадила никого. Так что мы были не сильно чище Славди.

Дальше ехали без приключений. Только при переправе через разбухший от дождей лесной ручей Гридя потерял седельную сумку. Бурный поток подхватил ее и поволок. Так и остался Гридя без снеди, да без чистого исподнего. Ну, да это невеликая беда. Небось, поделимся.

Когда уже порядком надоевший дождь прекратился, мы наконец-то вошли в ятвигский удел. Казалось, ничего не поменялось. Вот только капли, срываясь с ветвей, громче стали плюхаться в раскисшую хлябь. Да обрадованные притихшим дождем, чересчур громко разорались птицы. Мы вышли из коренных владений Покровителя, и от этого брала неожиданная оторопь. Бор вокруг стал чужим. Настороженным. Или это только казалось?

Я еще никогда не выбирался так далеко от Коростеня. Было интересно. Было жутковато. Но всплыли в памяти почти забытые волчьи глаза, и место жути заняла злость. На кого? Да на самого себя...

Первая стычка случилась в тот же день.

Наткнулся наш следопыт на малую ватагу ятвигов. То ли бортники, то ли охотники. Пугать не стал, а к отцу поспешил.

– Человек восемь их, – говорит. – Меня не почуяли. Что делать будем, княже?

Отец руку поднял. Мы и остановились.

– Грудич, – позвал он молодого болярина второй лоды.⁵ – Бери своих людей. Да не шумите сильно. Они здесь дома. В своем бору. Только без проводника нам тяжело будет. Заплутаем. Так что добудь нам провожатого.

– Будет сделано, княже...

Ратники спешили. Затаились.

Ждем. Время тянется. А вокруг токмо бор шумит.

Мы с ребятами истомились все.

– Как думаешь, Добря, добудет болярин провожатого? – тихонько Славдя спрашивает.

⁵ Лодья (ударение на первый слог, не путать с ладьей) – подразделение древлянской дружины из десяти воинов.

– Добудет, – кивнул я в ответ. – Крепкий Грудич воин. Помнишь, как он прошлым летом на игрище кузнеца завалил? Кузнец-то сильный, да болярин верткий.

– Да что этих ятвигов добывать? Они же дикие да глупые. Не знаю, как болярин, а я бы уж точно не посрамился, – Гридя стукнул кулаком по колену. – Я бы, как рысь, к ним подкрался, а потом как прыгнул бы...

Но как прыгнул бы Гридя, мы так и не узнали. Невдалеке послышался шум.

Встрепенулись ратники. Ополчились.

Смотрим, а из бора вторая лодья появилась. Четверо ратников и болярин Грудич ранены. Отец коня им навстречу направил.

– Что случилось?

– Прости, княже, – болярин отстранил воина, который его поддерживал, прямо встал и голову склонил. – Не промыслили мы проводника.

– Как так?

– Засада это была. Мы к той ватаге тихо подошли, но лишь прихватывать их стали, как на нас немалый отряд накинудся. Ятвиги вынырнули, словно из-под земли. Забросали нас стрелами и растворились.

– Не винись, болярин, – князь расстроен был, но виду не показал. – Это их бор. Они в своей земле, и каждый куст им укрытие. Воины твои все целы?

– Все, княже. Правда, раненые есть, но, слава Дажьбогу, раны не тяжелые.

– Знахаря сюда, – велел отец, повернул коня и прочь поскакал.

Тут и Белорев подоспел.

Через некоторое время знахарь наложил на раны, повязки пропитанные отварами, и ратники снова могли сесть в седла.

– Вот тебе и «дикие, да глупые», – вздохнул Славдя и поправил на голове шишак.

Дальше мы двигались осторожней. Высылая вперед следопытов и прикрывая дружину дозорами с боков.

Побора с его лучниками тоже в охорон послали. А с лучниками и нас. Наравне со всеми.

– Ты, Добрын, со Звягой и Куденей пойдешь, – сказал мне Побор. – Гридислав, – поворотился он к Гриде, – ты с Липком. Славомир, – это он уже на Славдю кивнул, – ты в напарники к Ершу. И не горюньтесь вы так. Чай, не на век расстаетесь.

– Ну, что, Добря, – подмигнул мне Гридя, – кто первым ятвигов учует, тому и слава?

– Опять вы за свое? – Славдя посмотрел на нас с укоризной.

– Прав Славомир, – молвил старый болярин строго. – Не время сейчас в бирюльки играть. Чутко дозор несите. А вы, – посмотрел он на лучников и вздохнул, – головой за огольцов отвечаете.

– Так понятно же, – ответил за всех Липок.

– Ну, то-то же. Луки с собой не брать. Небось, не на охоту собираетесь. И шишаки с наручами снимите. Все полегче будет. А коней здесь оставьте. Коли заметите кого, в драку не лезьте. Себя не оказывайте. Обратно поспешайте, а уж потом разберемся, – сказал Побор.

– Защити вас, Дажьбоже, – махнул он нам рукой, когда мы были готовы.

И мы ушли. Всяк в свою сторону.

Ятвижский бор казался дурным. Чужим и недобрым. И ветер вверху шумел настороженно.

Попервости за каждым кустом, за каждой былинкой мне чудился притаившийся ятвиж. Страшно было, аж живот свело. Но потом ничего. Пообвыкся...

Мы осторожно, не поднимая шума, шли вперед. Куденя впереди. Я за ним. А позади меня Звяга.

– Не притомился, княжич? – когда мы углубились в лес, шепнул Куденя и немного сбавил шаг.

– Нет, конечно, – ответил я.

– В порядке ли?

– В порядке, – тут я немного слукавил.

– Я чуть вперед пройду, а вы со Звягой догоняйте, – сказал и исчез.

На самом деле все было не совсем в порядке. Уж не знаю почему, но то ли от боязни, то ли от чего другого, только живот у меня не отпустило.

Резануло в брюшине, точно ножом полоснуло. Я даже присел от боли.

– Что с тобой, Добрыня? – Звяга присел рядом.

– Да, так. Ничего.

– Ты тут не храбрись. Выкладывай.

– Смешно сказать, – смутился я. – До ветру захотел. Сил нет. Может, съел чего...

– Это бывает, – понимающе подмигнул мне лучник.

От этого мне совсем стыдно стало.

– Значит так, – сказал Звяга. – Мы дальше пойдем, а ты здесь оставайся. Облегчишься, и нас жди. Мы на обратной дороге тебя подберем.

– Нет, – упрямо ответил я. – С вами пойду.

– Тихо ты, – руку мне лучник на плечо положил. – Не ерпенься. Я же вижу, как ты маешься. И не бойсь. Мы дружкам твоим ничего не скажем.

– Я и не боюсь, – сказал я и почувал, как в животе заурчало.

– Во, – Звяга поморщился. – Даже мне слышно, как у тебя в утробе война идет. Если вдруг что не так – знак подай. Кукушкой кликни. Два раза, потом три раза, потом снова два. Коли не отзовемся – к нашим возвращайся. Дорогу-то приметил?

Я в ответ головой кивнул:

– Не заплутаю.

– Вот и хорошо. Пошел я.

– Вы что тут мешкаете? – появился Куденя.

– Ничего мы не мешкаем, – сказал Звяга. – Я уже иду, а княжич здесь остается.

– Это еще с какого перепугу?

– Пойдем, я тебе по дороге объясню, – и они скрылись.

А спустя мгновение послышался тихий Куденин смешок.

Только мне уже не до стыда было. Полыхнуло в животе. Я едва успел порты спустить.

Укрылся плащом. Сразу на кочку лесную или на муравейник похожим стал. Сижу, дуюсь. Чую – легчать стало. А у самого мысли про то, как Гридя со Славдей надо мной потешаться начнут. Со свету сживут своими насмешками. Только бы лучники им не сказали, как я в дозоре опростался. Да нет, не должны. Они мужики надежные...

Вдруг слышу – ветка хрустнула. Да так звонко, что птица пугливая вверх порхнула и в ветвах пропала.

– Не приведи, Дажьбоже, со зверем встретиться, – подумалось.

И сразу вспомнился детский страх.

Зима.

Гон.

Волк.

Только это не зверь лесной оказался. Это пострашнее напасть...

Ятвиги.

Враги...

Близко. Там, за малинником, остановились.

Я сразу тише воды, ниже травы стал.

Только бы не заметили, это было моим единственным желанием...
Только бы не заметили...

Не видел я их, только слышал. И они меня не видели. А увидели бы?
Лучше об этом не думать вовсе.

– ...то ты так мыслишь, Велимудр, – услышал я голос. – А у князя Мала и другие мысли быть могут.

– Повинную голову меч сечь не будет, – возразил первому второй. – А разве мы виноваты? Так что нам и виниться не в чем.

– А коли сначала отсечет, а потом разбираться будет? Хочешь, не хочешь, а придется биться. Теперь уж не денешься никуда, ты же сам по лазутчикам их ударить велел.

– Я ж думал, то опять варяжцы, – горестно вздохнул первый.

– Теперь уж поздно вздыхать.

– Ладно. Как стемнеет, на лагерь их нападём, а там, что Радогост даст, – сказал второй и снова шумно вздохнул, а потом добавил: – Ты смотри, малина в этом году плохо уродилась. А говорили, что дожди ей в пользу.

– Зато Вышнего дароносица знатный приплод принесла⁶. Попьем в Рожаницын день⁷ вено-сладкое.

– А медку в этом году недоберем... – они уходили, и мое сердце, рвущееся из груди, стало утихомириваться.

И вот, наконец, в бору стало тихо.

А я все сидел и никак не мог отдышаться.

– С облегчением тебя, Добрын сын Мала, – сказал я себе, натягивая порты.

Выждав еще некоторое время, я подал сигнал Кудене и Звяге. Но так и не получил ответного «ку-ку». Видать далеко отошли разведчики.

Тогда к своим выбирать надо. Да недобрую весть нести...

Я вышел к нашему стану под вечер. Спешил сильно. Все боялся, что ятвиги перехватят. Но, видать, не пришла еще пора Неделе надо мной потешаться.

– Кто тут? – окликнул меня дозорный.

– Это я, Добрын. Из лучников. Тороплюсь к князю с вестью важной.

– Кто в болярах у тебя, Добрын?

– Побор.

– Проходи и Побору кланяйся, – сказал дозорный, и вновь спрятался в кустах.

И я снова рванул, что было мочи...

– Батюшка! – громко позвал я, подбегая к княжескому шатру.

– Что стряслось, Добрыня? – узнал меня охранник.

– Ятвиги, – выдохнул я и остановился.

– Ты погоди, – отец откинул полог шатра, – отдышись сначала.

– Отец, ятвиги!

– Не забывайся, Добрыня, – отец взглянул строго. – Это дома, в Детинце, я тебе отец.

А здесь я князь для тебя и для всех воинов древлянских.

– Прости, княже, – склонил я голову.

⁶ Вышнего дароносица – Вишня. Дар Вышнего-бога народу Ятвигов. Плоды вишни использовали для приготовления «вено», слабоалкогольного напитка.

⁷ Рожаницын день – 22 сентября (по новому стилю). Ятвиги в этот день отмечали праздник Рода и Рожаниц, День рождения Вселенной, праздник сбора урожая и начало нового года. В этот день «вено» использовалось в качестве ритуального напитка в честь рождения мальчика Радогоста – Нового Года. Праздник осеннего равноденствия.

- Что там стряслось? – сказал он, смягчаясь.
- Ятвиги, княже.
- Где?
- Обходят с левого бока.
- Сколько их?
- Не ведаю, княже. Не видел я их. Слышал только. Говорили двое. Они хотят ночью сегодня на стан наш напасть.
- Жаль, что ты не смог к ним подобраться поближе, да посмотреть, сколько их? Да, как ополчены?
- Виновен, княже, – я укорил себя за то, что даже не подумал об этом. – Поспешил.
- Не виню я тебя, – сказал отец. – Вот, – он вынул из уха серьгу серебряную. – Благодар от меня.
- Здраве будь, княже, – сказал я, принимая Благодар.
- Ступай к своим, – улыбнулся князь. – Да передай Побору, чтоб ко мне спешил, – он повернулся, сказал охраннику:
 - Послать вестовых. Всех старших бояр немедля ко мне, – и скрылся в шатре.
 - С первым благодаром⁸ тебя, Добрыня, – подмигнул мне охранник и бросился выполнять отцово приказание.

Когда совсем стемнело и снова стал накрапывать противный дождь, вернулись остальные разведчики. А с ними и Гридя со Славдей. Усталые, но довольные.

- Ух, и напугал ты нас, княжич, – ругался Звяга. – Мы ж думали, что заплутал ты.
- Так уж вышло, – оправдывался я. – Кукушкой кричал, да не услышали вы, а весть уж больно важной была. Вы ятвигов не встретили?
- Да нет, – пожал плечами лучник. – У нас тихо все было.
- Ну, видать, обошлись вы с ними, – сказал я.
- Тогда молодец, Добрыня, – Звяга похлопал меня по плечу.
- Да у тебя обновка? – Славдя на ухо мое уставился.
- Благодар это, – ответил я гордо. – От князя.
- Потрогать-то можно? – спросил Гридя.
- Отчего ж нельзя...

В эту ночь мы не спали. Побор не велел.

Ждали нападения.

Сидели под раскидистой сосною, укрывшись плащами от припустившего с вечера дождя. Старались сохранить от сырости тетивы да стрелы. Чтоб не уснуть, разговоры разговаривали.

- Нет, ты все ж расскажи, как ятвигов-то нашел? – в который раз приставал Гридя.
- Так я же уже рассказывал...
- Что-то с трудом верится, – не унимался Гридя, – что ты у предводителя ихнего суму спер, в которой кожа Славуты-посадика лежала.
- Так оно и было все...
- Ну и где ж та сума?
- Так говорил же я – у князя в шатре.
- Брешет, – сказал Славдя, поправляя плащ.
- Точно брешет, – поддакнул Гридя.

⁸ Благодар – Ценность, подарок от военачальника полученный за достойный поступок или подвиг. В это время цена Благодар для воина была очень велика. Считалось, что вместе с Благодаром, воин приобретает дополнительную магическую защиту и доблесть. Поэтому Благодарные ценности хранились очень бережно. Воин скорее бы умер с голода, чем променял Благодар на хлеб.

– Чего это мне брехать? – притворно обиделся я.

– Ты лучше расскажи, как ты на ятвигов наткнулся? – снова за свое Гридя.

– Ладно, уж, – наконец, сдался я. – Только обещайте, что смеяться не будете. Это не я на них, а они на меня наткнулись...

И я рассказал им, как все было на самом деле.

– Что вы там, как гусаки, разгоготались? – окликнул нас один из лучников. – Сказано же, чтоб тихо все было.

– Да, Добрыня, – сдерживая смех, сказал Славдя. – Это как в той сказке: пошел мужик за малиной. Захотел пописать. Увидел медведя – заодно и покакал, – и мы снова не смогли сдержать смеха...

Они навалились под утро. Плохо вооруженная, завернутая в шкуры вместо доспехов, нестройная орава выскочила из леса и бросилась на наш лагерь. Без боевых криков и лишнего шума. Видно, боялись разбудить спящих...

Просчитались они...

Все случилось быстро. Я даже испугаться не успел. Заметил только, как Гридя побледнел, натягивая тетиву своего лука. Но пускать стрелу во врага ему не пришлось.

Поняв, что внезапного нападения не получилось, ятвиги побросали оружие на землю и пали ниц. Прямо в грязь.

– Не вбивайте! Божем просимо! Не вбивайте! Не по своей воле! По злomu наущению! – закричал ятвиг, на голову которого вместо шлема был надет медвежий череп.

– А со Славуты кожу сдирали тоже по наущению? – в ответ крикнул кто-то из дружинников, и вверх взметнулись острые древлянские мечи.

Ятвиги от страха сильнее вжались в размокшую землю.

– Подождите! – отец поднял коня на дыбы. – Порешить их всегда успеем. А сейчас пусть говорят. Ты у них главный? – спросил он у медведеголового.

– То так, – ответил ятвиг.

– Ну, поднимайтесь, – спокойней велел отец. – Нечего пупки мочить. А ты подойди ко мне, – сказал он предводителю ятвигского воинства, когда пленники, опасливо озираясь, поднялись с земли.

Тот подошел, поцеловал стремя и стыдливо потупил взор.

– Говори. Как звать тебя?

– Велемудром люди зовут. Меня бортники наши головой кликнули – мне и ответ держать. Божем нашим Радогостом, ласки просим, княже, – тихо проговорил ятвиг. – То не мы с посадника кожу драли. Не мы и дружину твою перебили. Разве же мы звери дикие, добра не помнящие? Разве же мы могли дурное сделать тем, кто нас от мазовщанских копий оборонил?..

– Так кто тогда?

– То воряжци клятые. Им же неведомо, что наш Радогост Дажьбогу внуком приходится. Месяц народиться не успел, как они пришли в наше Полесье. С юга. От Полянской земли. Сказали, чтоб мы вам ругу давать бросали. Что их конунг Ингварь теперь Полесьем владеть будет. Я ответил им, что мы под твоей рукой, княже, жить хотим. А главный их, Свенельдом его кличут, посмеялся. Сказал, что теперь нам от Древлянской земли только смерти ждать нужно. Они де, воряжци эти, одевшись по-нашему, двор посадничий огнем пожгли. Воинов побили, а одного к тебе отпустили, чтобы он на нас вину положил.

– А если на вас вины нет, так что ж вы тогда, сукины дети, намедни нас стрелами посыпали, а сего дня хотели сонных порушить? – не выдержал Побор.

Отец строго посмотрел на него, но ничего не сказал.

– Так то от великого страха, – еще сильнее потупился Велемудр. – Мы же думали, что вы нас за ослух, да за кровь ваших людей рвать начнете. А кому ж за просто так в Репейские горы⁹ идти охота.

– А ты прямо в Ирий попасть решил? – усмехнулся отец.

– Радогост свидетель и все люди мои, супротив тебя, княже, я дурного не совершал, – сказал Велемудр.

И впервые посмотрел отцу прямо в глаза.

Долго они смотрели друг на друга. Затем отец сказал:

– Верю. И зла на тебя, Велемудр, и на людей твоих не держу. С ранеными вы сами договоритесь. Кому что за кровь пролитую отдадите, меж собой решайте...

Дальше шли вместе. Велемудр указывал дорогу к варяжскому становищу. А по пути к нам присоединялись все новые ватаги ятвигов. Приходили. Каялись. Целовали стремя княжеского коня, на верность, присягая Древлянскому столу. Видно, несладко им показалось под полянской рукой.

⁹ Репейские горы – место расположения Ирия, славянского рая.

8 июля 942 г.

В этот день совсем распогодилось. Солнышко припекло. От земли повалил банный дух. Паром исходили набухшие от дождей плащи ратников. Испариной покрылись конские крупы. Капли пота проступили на наших лбах. Мы неделю не мылись. Мое тело, вспомнив о том, что оно должно быть чистым, нещадно зудело под рубахой. А на сбитом о седло заду горели мозоли.

Ратникам было тоже несладко. От тяжелых кольчуг гудели плечи. И хотя они не показывали виду, но каждый понимал, что пора сделать привал.

Дружина остановилась на пологом берегу Припяти-реки.

– Всем помыться, привести в порядок оружие и снаряжение! – отдал команду князь и сошел с коня.

Уже через мгновение мы бросились к прохладной чистой воде.

Напоили и искупали коней. Почистили и выстирали одежду. Благо мыльного корня нашлось по берегу немало. И пока кашевары готовили еду, мы втроем вспомнили, что, несмотря на важность похода, все еще остаемся мальцами.

Вдосталь наплескались и наигрались вволю. Так, что аж губы посинели. А потом растянулись голышом на нагретом прибрежном песке. И теплая волна дремоты растеклась по телу...

И вдруг я почувствовал ладонь на своем затылке.

– Ну, как ты, Добрыня? – тяжелая отцовская рука скользнула по волосам.

Первый раз за все время похода отец заговорил со мной.

– Да ты лежи. Отдыхай.

– Все хорошо, княже.

– А мозоли твои как?

Я понял, что краснею.

– Откуда знаешь, батюшка?

– Князю про свою дружину все знать надо, – сказал он просто.

– С непривычки это, – еще больше смутился я. – Ты же знаешь, мы же без седел всегда...

– Знаю. Но в походе, а тем более в бою без седла никак нельзя. Ничего. Скоро привыкнешь. А пока сходи к Белореву. Пусть смажет, – и пошел проверять, что там кашевары наготовили.

– Что, Добря, задницу набил? – спросил Славдя.

– А тебе-то что? – огрызнулся я.

– Да ничего, – сказал он примирительно. – У меня у самого копчик саднит.

– А я думал, что один я такой никчемный, – сквозь дремоту пробормотал Гридя.

– Так чего ж мы лежим? Айда к знахарю.

И мы рванули наперегонки, перепрыгивая через голые тела дружинников.

Белорев занимался раной Грудича. Царапина на плече боярина была хоть и небольшой, но глубокой. За эти дни она загноилась и стала опасной.

– Эка тебя, – покачал головой Белорев. – Кто ж тебя так?

– То я, – Велемудр, как бы невзначай, оказался рядом. – Ты уж прости меня боярин...

– Ты же знаешь, Велемудр, не держу я на тебя зла, – отмахнулся Грудич и скривился от боли.

Ятвига передернуло, словно это у него заболела рана. Он горестно вздохнул, почесал затылок и снова вздохнул.

– Ладно тебе, – прикрикнул на него Белорев. – Что болит у тебя?

– Да, вроде ничего, – пожал плечами Велемудр.

- Ну и ступай себе. Не мешайся тут.
- Да, Грудич, не повезло тебе, – повернулся знахарь к болярину, когда ятвиг скрылся. – Придется руку отрубать.
- Ты чего, старик, с разума соскочил? Не дам я тебе руку поганить.
- Ну-ну, расшумелся. А ты про руку думал, когда повязку мою сорвал?
- Так ведь мешала она.
- Мешала... – передразнил Белорев. – Сейчас отрублю, и рука мешать перестанет.
- Не дам!
- Что значит «не дам»? С пращурами раньше времени повстречаться захотел? Загниет рука, тогда ничем не вылечишь. «Не дам»... в другой раз думать будешь, прежде чем повязки мои срывать. Ну, давай ее сюда.
- Болярин опасливо посмотрел на знахаря.
- Да не бойсь ты. Давай.
- Белорев вскрыл нарыв. Промыл рану. Присыпал ее порошком из растертых трав и наложил новую повязку.
- Все. Ступай. И помни, что в другой раз даже спрашивать не буду. Отрублю руку. Так и знай... Ну, а вам что? – строго посмотрел он на нас.
- Нас князь к тебе прислал, – сказал я.
- А на кой мне такие помощники?
- Так ведь не в помощь прислал, – шмыгнул носом Славдя. – Раны у нас...
- Раны? Ну, показывайте.
- Мы в нерешительности стали переминаться с ноги на ногу.
- Что мнетесь-то?
- Переглянувшись, мы разом повернулись к знахарю спиной и нагнулись.
- Ой, охрани Дажьбоже! – воскликнул Белорев. – Так у вас хвостовая болезнь началась! Дня через три точно хвосты вырастут.
- Врешь ведь, – сказал я.
- Ты меня во лжи винишь? – возмутился знахарь. – Меня? Во лжи? Я сейчас не посмотрю, что ты княжич, по хвосту тебе так надаю, что ты на коне пузом сидеть станешь.
- Он бы, наверное, выполнил свою угрозу, но только вдруг остановился и прислушался:
- Это кто тут слезу пускает?
- Не хочу хвост!.. – такого можно было ожидать от кого угодно, но только не от Гриди. – Не хочу хвост! Дядя Белорев, миленький, что угодно, хоть руку отрезай, но только чтоб хвоста не было.
- Да будет. Будет тебе, – знахарь обнял моего друга за плечи. – Пошутил я. Разве ж Сварог допустит такое, чтоб у живого человека хвост вырос? Успокойся.
- Ух, и рева ты, оказывается, – сказал Славдя. – А еще над моим плащом потешался.
- А тебя, – посмотрел знахарь на меня, – на испуг не возьмешь. Это хорошо. Батюшка твой в первом своем походе вот не меньше Гридислава от хвоста ревел.
- Снова врешь, – я даже представить себе не мог, что отец и вправду плакать может. – Лучше намазывай давай...

Мы уже обедать сели, когда на опушке леса показался всадник. Он скакал, точно за ним стая волков гналась.

– Ну-ка, ребяташки, доедай быстрее, – прикрикнул на нас Побор. – Кажись, недобрые вести нам тот конник несет.

И словно в подтверждение слов болярина послышался крик всадника:

– Мал! Скорее, княже! Варяги! Близко!

И закипело...

Побросав еду, дружинники стали спешно вооружаться.

Мы, наскоро натянув порты и кожаные нагрудники, бросились собирать развешенную на кустах для просушки тетиву. Побор помог натянуть наши луки и велел держаться подле него.

– Прижмут к реке, – ворчал он, – совсем плохо будет. Эх, Маренины дети¹⁰...

– Дружина, к бою! – послышался голос отца. – Полк правой руки, к опушке. Полк левой руки, вам у берега стоять. Передовой полк, спешиться! Коней вон в том овражке схороните. Вам первый удар держать. Побор, ты лучников пополам дели. Две лоды ставь у бора. А три – перед передовым полком. Как скажу, сразу за него уйдете. Велемудр, ты со своими в чащу уходи. И сидите там тихо, как мыши. Увидишь три огненных стрелы, тогда и бейте варягам в бок. Да бейте дружно. Не как в нас.

– Не осрамимся, княже, – ятвиг надел свою медвежью голову и повел ватагу к лесу.

– Ты как, сынок? – спросил отец, осаживая коня возле меня.

– Не тревожься, княже, – сказал Побор. – Я пригляжу.

– Уж побереги мальцов. Эй, Гридя, носа не вешать! Был бы жив твой отец, сейчас бы гордился тобой. И за хвост не переживай. Отрубим, если что, – улыбнулся он и поскакал к Полку левой руки, на ходу отдавая последние распоряжения.

– Ну, что, Дажьбожьи внуки, не посрамим славы дедов наших! – громко, чтобы слышали лучники, сказал Побор. – Лик Божий, – показал он рукой на солнце, – над нами! А что пообедать не успели, так на тризне по врагам нашим наверстаем! Верно я говорю?

– Верно! – ответили лучники.

– Дедята! Липок! – позвал он младших боляр. – Берите свои лоды и давайте к Полку правой руки. С коней не сходить. Мало ли, как вражины себя поведут. Остальные, за мной!

Только мы успели встать на место, как из-за излучины реки, двигаясь по течению Припяти, показались три большие ладьи.

– Вон, Добря, видишь? На носах головы змеиные – значит, варяги те ладьи строили, – тихо прошептал Славдя.

– А ты почему знаешь? – посмотрел на него с недоверием Гридя.

– Правду Славмир говорит, – вступился Побор. – Варяжские это ладьи. Зовут они их драккарами. Я тех драккаров рассмотрел. Когда с князем Нискиней, дедом твоим, Добрыня, да с Хольгом¹¹ Киевским на хазаров ходили. Умен и хитер был старый варяг. Древлянский стол уважал. Не чета Ингварю. Этот все нахрапом норовит... А в драккарах, похоже, не варяги. У тех по бортам червленые щиты, а у этих разномастные. Русь¹² это. Худо дело. А вон и конница. Сразу видать, полянская. Плащи-то алые. В лесу приметные. Не то, что наши.

И верно. По берегу черно-красным пятном растекалась конница, на ходу разворачиваясь в боевые порядки.

– А мне хоть варяги, хоть поляне, – сказал Куденя, лучший лучник Старшей дружины, – только бы не егозили сильно...

– Чисто ты не попадешь, – подшутил кто-то.

Но ответить Куденя не успел.

– Стрелы на тетиву! – крикнул болярин.

– Не по Прави поступают,¹³ – удивился я, когда увидел, что неприятель не собирается останавливаться.

¹⁰ Марена – богиня смерти у славян.

¹¹ Хольг – известен по летописям, как Вещий Олег.

¹² Русь – в середине X века так называли разноплеменное сообщество профессиональных воинов-наемников, давших присягу верности. В данном случае – князю киевскому Игорю. Наиболее подготовленная и боеспособная часть войска. От скандинавского – gots (гребец, наемник).

¹³ « – Не по Прави поступают, – удивился я... » – обычно, прежде чем начать бой, стороны вели переговоры, на кото-

Ладьи даже прибавили ходу. Стало видно, как на концах весел вспенились белые барашки.

– Ни переговорщиков, ни поединщиков не будет? – спросил Славдя.

– А что им Правь? – ответил Побор. – Они, видать, знают, что творят...

– Хорошо идут, – вздохнул Гридя.

– Шибко, – отозвался Побор. – Видно, спешат к предкам своим на ужин успеть, – и засмеялся.

И лучники подхватили этот смех. Я тоже смеяться начал. И понял: со страху это. Никто ж не знал, кто после этой битвы в землю Древлянскую вернется, а кто уже к вечеру в Ирии за стол с пращурами сядет. Неизвестность. Вот, что страшнее всего...

– Куденя, ты кормчих на драккарах на себя бери, – распоряжался болярин. – Они за щитами хорониться станут, бей промеж них. Без кормчих ладья, что конь без всадника. Звяга и Ерш, вам задача особая. Высматривайте, кто в коннице управляет. И чтоб стяг полянский еще до битвы на земле лежал. Ясно?

– Да что ты, Побор? В первый раз, что ли?

– В первый, не в первый, а напомнить не помешает. Первая лодья – реку кроет. Остальные конницу. И не подставляться. У них, небось, тоже лучники имеются.

Между тем полянская конница рассыпалась на два отряда. Первый скоро шел вдоль берега реки, метя ударить между Передовым полком и Полкомлевой руки. Второй, прижавшись боком к лесу, направлялся напрямиком на Полк Правой руки. А ладьи, выйдя на середину Припяти, старались обойти нас, чтобы сидящая в них русь смогла ударить нам в спину.

– Эх, не достать отсюда, – злился Куденя, прикидывая натянутую тетиву к щеке. – Дозволь ближе подобраться.

– Давай, – кивнул болярин, и лучник дернул поводья коня и рванул к берегу. – Все равно, – вздохнул Побор, – далековато будет... Луки к бою!

Все ближе и ближе подкатывала волна вражьей конницы.

– Ждем!

Уже можно было рассмотреть сбрую на борзых полянских конях.

– Ждем!

Уже первые стрелы, пущенные лучниками неприятеля, жужжали в небе и впились в песок недалеко от ног наших коней.

– Ждем!

Короткая черная стрела, просвистев, ударила в нагрудный доспех Поборова коня.

– Бей!

Звонко запела тетива, отправляя в недолгий полет чью-то смерть. И сразу новая стрела легла на лук и отправилась вслед за первой. И еще одна. И еще.

– Бей прицельно! – услышал я команду болярина.

Опустил лук пониже. Высмотрел врага. Спустил тетиву. Наложил новую стрелу. И лишь тогда понял, что только что отобрал жизнь у человека. И, словно в отместку, железное жало стукнуло в кожаный нагрудник. И желтые волчьи глаза вспыхнули в сознании и обожгли огнем ненависти. Сразу все стало на свои места. Либо я их, либо они меня. А все остальное потом. После боя...

– Эй, Добря! – я увидел, как кричит Гридя, утирая рукавом кровь с расплосованной щеки. – Отходим за Передовой полк!

– Гнедко, выноси! – крикнул я.

рых пытались уладить дело миром (обычно одна из сторон откупалась). Если достичь соглашения не удавалось, по ритуалу, с каждой стороны выходил поединщик, и военный спор решался по воле Богов. И только в особых случаях дело доходило до крупных столкновений. В исключительных случаях, во время засад, или, как в данном случае, при явном нежелании идти на переговоры, это правило нарушалось.

Сколько боев и битв было в моей дальнейшей жизни. И больших. И малых. И явных. И тайных. Сколько битв я выиграл? Сколько проиграл? Разве теперь вспомнишь. Но только этот бой, первый бой в моей жизни, я помню, точно только что вышел из него. Может, потому, что он был первым. Оттого и всплывает в памяти все время, как тот сон... Бабушка. Я – маленький. Сказка про птицу Сва и про яичко золотое...

Словно в пустой колоде, в голове заухало. Кто-то молотил в дверь.

– Кто там?

– Болярин! С дальней заставы гонец прискакал

– Подожди. Сейчас выйду.

А вставать все равно было невозможно... Ох, Пулята, Пулята...

Бой бурлил, как бабулино варево...

Мы успели выйти из-под удара, и вражья конница врезалась в Передовой полк.

Завязла.

И алые полянские плащи покрылись алой кровью. Чужой и своей.

Звон оружия, стоны изломанных ратников... Крики боли людей и коней...

– Глядите-ка, попал Куденя-то! – радостный крик Звяги заставил вздрогнуть.

Словно почувяв недоброе, мой конь тревожно заржал.

– Тише, Гнедко, – похлопал я его по потной шее и понял, что руки трясутся.

– Нет, ты погляди, что пострел учудил! – продолжал кричать лучник и махнул зажатой в кулаке стрелой в сторону реки.

Я повернул голову в сторону реки.

А ведь точно.

Огромный драккар, шедший первым в этой стае странных голодных до нашей крови чудищ.

Одетый в броню из круглых червленых щитов речной змей, привыкший покорять водные просторы.

Ощетинившийся веслами и горящими стрелами, впившимися в борта, властелин вод.

Вдруг потерял управление... Беспомощно начал разворачиваться против течения... Словно слепой кутенок, ткнулся носом в бок своего собрата, идущего следом... Проскрежетал змеиным носом по борту, сдирая щиты и ломая крылья весел... И, ошарашенный внезапной потерей кормчего, беспомощно замер. А течение продолжало безжалостно сносить его к противоположному берегу.

Другой драккар от удара завалился на левый бок, зачерпнул бортом Припять и стал быстро тонуть.

На третьем драккаре был опытный кормчий. Он сумел увернуться от столкновения. Сохранил все весла и еще быстрее понесся прямо на нас.

Крики древлянской радости и варяжского горя слились в единую песню войны. И поднялись к самым небесам, радуя и огорчая сцепившихся в жестокой схватке Богов-Покровителей. Перуна Полянского, Одина Варяжского, Радогоста Ятвигского и Дажьбога Древлянского.

– Ай, да Куденя! – Побор осадил рядом с нами взмыленного коня. – Ему и тебе, Звяга, Благодар от меня. Коль из боя живыми выйдем, ходить твоей жене в обновках. Жаль, что Ерша застрелили. Зоркий у него глаз был. Как он того, со стягом полянским, влет снял! Да, видимо, теперь ему в Сварге¹⁴ охотиться... Добрыня, скажи к берегу. Вели моим словом, чтоб первая лодья оставшемуся драккару огоньку подкинула. Тех, что тонут, пусть оставят. Им не до нас.

¹⁴ Сварга – Райский сад у славян.

Им бы выплыть. Остальные, будьте наготове. Полк Левой руки прикрыть надо. Звяга, давай в небушко три стрелы. Да чтоб горели поярче. Пора Велемудру себя оказать...

И дрожать стало некогда...

Я бы успел. Обязательно бы успел. И Славдя с Гридей остались бы живы. И жизнь моя пошла бы совсем другой дорогой. Не знаю, плоха та дорога была бы или хороша... только она была бы совсем другая...

Ладно, хочешь не хочешь, а вставать надо.

Гнедко споткнулся о какую-то корягу, предательски торчащую из песка.

Я оказался не готов. Вылетел из седла. Пролетел над головой коня. И со всего маху врезался в землю.

Вышибло дух. Небо завертелось надо мной в ярком хороводе облаков.

Пришел в себя. В голове ухало, словно в пустой бочке. Люди и кони вокруг почему-то двигались медленно и плавно, словно во сне. Шум в ушах заслонил звуки боя...

Медленно...

Очень медленно мимо меня проплыл ратник, размахивая мечом. Его глаза были выпучены и полны ярости. Рот широко раскрыт, словно он задыхался или кричал. Но я не слышал его крика...

Я повернул голову и увидел, как драккар ткнулся змеиной грудью в прибрежный песок и с него посыпались вооруженные топорами и маленькими круглыми щитами люди. Варяги. Враги.

Попытался подняться... Мокрый песок саднил на стесанной щеке... Кровь заливала левый глаз. А шум в голове все не проходил...

Варяги рубились отчаянно. Настоящие воины. Но от этого не легче. Падают наши, словно подкошенные колосья. Я рвусь туда. В гущу боя. Но ноги вязнут в песке, словно в трясине...

Я вижу, как варяг прорубается сквозь нашу дружину. Как валится древлянская рать под ударами безжалостного топора. Я вижу, как он вдруг стоит один среди корчащихся на земле ратников. Как безумно оглядывается вокруг в поисках очередной жертвы. Вижу, как взгляд его останавливается на мне. Как он кричит что-то. И в глазах его вспыхивает огонь радостной ненависти. Он отбрасывает остатки изрубленного щита. Взмахивает топором и бросается ко мне.

Я вижу, как он летит мне навстречу. И звуки боя взрываются, вдруг оглушая и потрясая...

– Од-д-и-и-ин! – рев варяга острым шилом буравит мозг.

И я пытаюсь увернуться от неминуемого. И понимаю, что не успею. А он все ближе и ближе. И я тону, словно в черном омуте, в бездонных зрачках варяга.

И время, еще недавно растянутое в бесконечную череду мгновений, вдруг сжимается в единый миг. Свист рассекающего воздух топорщица перекрывает и крик варяга, и лязг мечей, и битву вокруг...

Я вижу, как в его грудь впиваются одна за другой восемь оперенных стрел, и понимаю, что это Куденя пытается остановить мою смерть. Но варяг делает еще шаг. Еще и еще. И падает. Но, даже падая, пытается дотянуться до меня. И топор опускается на мою голову...

Шишак смягчает удар, но шея трещит от напряжения. В глазах темнеет. Я проваливаюсь в пустоту... чувствую, как меня накрывает пеной небытия... а волчьи глаза все так же равнодушно смотрят на меня... и Навь втягивает в себя последнюю неяркую вспышку сознания...

Глава вторая Вторжение

7 июля 942 г.

Ключья тумана повисли на разлапистых ветвях сосен, растущих по берегу Ирпеня¹⁵. Из тумана выплыла лодка и ткнулась в древлянский берег. Три неясные тени, стараясь не потревожить предрассветную тишину, метнулись в прибрежный кустарник.

Здесь они разделились, и каждый скользнул в туман. Каждый в свою сторону.

Первый пошел по течению реки. Сумеречным мороком, бесплотным порождением Нави, пробирался он вдоль берега. Его шаги были бесшумны. Походка легка. Точно и не шел он вовсе, а плыл по туману.

Тут слуха его коснулся странный для этого места и времени звук. Он насторожился. Замер, готовый в любую минуту ринуться пущенной стрелой навстречу опасности.

Выждав несколько мгновений, сделал осторожный шаг. Затем еще один. Прислушался. И потек туда, где послышался тот странный звук.

На девятом шаге он снова замер, увидев в прорехе тумана песчаную косу. Озябшую в утренней сырости молодую сосенку, цепко вонзившую свои изломанные корни в прибрежный песок. А под сосной утлую лодчонку-плоскодонку, выдолбленную из цельного ствола. Возле плоскодонки копошилась согбенная фигура. Видно, древлянин – рыбий человек, собрался с утра пораньше проверить поставленные накануне сети.

Вот только не нужен он был здесь. И этот рассвет, и это место стали несчастливими для него.

Он и понять не успел, откуда появилась тонкая, сплетенная из оленьих жил, удавка. Почему она захлестнула его шею. Отчего вдруг стало нечем дышать. Как случилось, что кровь бросилась в голову, а глаза заливают красная пелена...

Рыбак умер быстро. Призрак снял с его шеи удавку и уже собирался оттащить тело в кусты, как громкий окрик заставил его вздрогнуть.

– Батюшка, что ж ты меня не разбудил?

Полагаясь на звериное чутье, призрак выбросил правую руку в сторону голоса. Что-то просвистело сквозь туман, и голос поперхнулся. Храпом изошел и затих.

Дотащив мертвого до ближайших кустов, призрак присыпал тело мокрым песком и направился туда, где по его расчетам находился второй труп.

Он не ошибся. Довольно скоро он наткнулся на распростертого на песке мальчонку. Из горла рыбацкого сына торчал нож.

– Не повезло тебе, отрок, – тихо сказал призрак.

Он вынул нож. Тонкая струйка крови брызнула из раны и впиталась в песок.

Схоронив мальчишку рядом с отцом, призрак оттолкнул от берега долбленку и растворился в тумане...

Второй пошел вглубь Древлянской земли.

Вскоре он вышел на довольно широкую тропу и, никого не таясь, двинулся по ней.

¹⁵ Ирпень – пограничная река между Древлянской и Полянкой землями.

Шел он довольно долго. Тропа плутала меж деревьев. Огибала кусты и овражки. Пересекалась с другими похожими тропинками. То терялась, то вновь появлялась из тумана.

Он знал, что тропу эту проложили не люди. Но это его несколько не пугало. Знал он так же, что коровы всегда ходят друг за другом. И тропа, на которую он вышел, была проложена ими. Много лет стадо ходило по этим бегущим сквозь лесную чащу тропам на водопой. И стадо немалое. Стадо держали на граничной заставе. И он знал, что тропа приведет именно туда.

Полоса тумана оборвалась внезапно. И он очутился у подножия высокого холма, пупырем торчащего на опушке. На вершине пупыря темнели рубленые стены, окружавшие долговязую сторожевую башню.

Это и была застава.

Вокруг все тихо. Даже собаки не лают. Уснули, сморенные ночной службой. И только караульный на башне временами покашливает да притопывает, стараясь хоть как-то стряхнуть с себя утреннюю дрему.

Человек проскочил к стене незамеченным. Он достал из складок плаща свернутую в кольца веревку с небольшим трехлапым крюком на конце. Размахнулся и запустил крюк к небесам.

Крюк тихонько звякнул, когда одна из его лап зацепилась за частокол.

Человек замер.

Прислушался.

Тихо.

Видно, одолела дрема караульного. Вон, и кашлять перестал.

Вот и славно.

С ловкостью кошки взмыл неожиданный гость по веревке на стену. Отцепил крюк. Бережно свернул веревку и спрятал под плащ.

Затем тихо прошмыгнул по крытому переходу к проему, ведущему в башню. Только по дощатому настилу прошуршали подошвы его мягких сапог. Да одна доска скрипнула предательски.

Но и на этот раз собаки не подали голоса.

– Видно, закормили их древлянские граничники, – подумалось человеку. – Ну, так мне это на руку.

Он быстро поднялся по лестнице на верхнюю площадку. В притворе чуть задержался. Вгляделся. Точно. Спит караульный. На копье оперся и спит. Да и от чего бы не поспать, когда такой туманище. Все одно же не разглядишь ничего. Токмо глаза надорвешь. Вот и прикрыл их, чтоб отдохнули.

А чаша с сигнальным костром без присмотра осталась. Вон и кресало рядом лежит. И дрова в этой мгде отсырели. Не год разом вспыхнут. И навряд ли сквозь такой туман разглядят на соседних заставах тревожный огонь. А значит, и проку в нем нет.

Но почуял вдруг сквозь сон караульный, что не один он на башне. Пересилил себя. Один глаз раскрыл. И заметил он этим глазом, как из притвора выползает тень. Человек по обличию. Чужой человек. И второй глаз раскрылся. А разом с ним рот. Да окликнуть неожиданного гостя караульный не успел.

Пущенный крепкой рукой нож своим тяжелым холодным жалом выбил передний зуб караульному. Врубился в мягкую глотку. Согрел свое жало хлынувшей кровью. Пробил небо. С хрустом скребнул о шейный позвонок. Вонзился в столб, подпиравший тесовую крышу. И остановился.

Так и остался стоять караульный, прибитый к столбу, сжимая в руках ненужное уже копье. В мертвых глазах застыл предсмертный ужас. А из открытого рта торчала костяная рукоять.

А гость уже скатывался по лестнице вниз. Туда, где в нижней клетке спали граничники.

Троих он срезал тихо. Привычным движением скользнув по горлу коротким мечом.
С четвертым заминка вышла. Чутко спал тот. Вот и смерть свою почуял.

Пробил меч грудь граничника. Тот пару раз, словно рыба, на берег выброшенная, хватанул ртом воздух, да и затих.

А тут, наконец-то, и собаки очухались. Завыли тоскливо, лаем залились. Плохо. Дело еще не кончено. Мешают. Только что теперь поделать? Да и некогда делать что-то.

На незнакомца уже следующий враг вылетел. Копье у него в руках. Норовит подколоть, словно куропатку. Да, вишь, тесно с копьём в небольшой клетке. Несподручно. А с мечом коротким – в самый раз.

Взлетел меч и вниз опустился. А вместе с мечом вниз копейное древко полетело. Об пол стукнулось. И пальцы, то древко сжимавшие, горохом по полу застучали. Взвыл граничник. Волчком от боли завертелся. Тут и добил его незнакомец.

А уже еще один за своей смертью спешит.

– Дажьбоже с нами! – кричит.

Да спотыкается об упавшего соратника. Падает. И, падая, понимает, что летит на выставленное вперед лезвие. И уклониться хочет... чтоб неминуемое вскользь прошло. А никак не может. И со всего маху напарывается на клинок. Стонет жалостливо. По полу катится.

Тут еще один появляется.

– Да сколько же вас?! – мысль мелькает и уносится прочь.

Этот не так прост. Отбивает клинок, в сердце намеченный. Сам в атаку идет. Не нахрапом. Расчетливо. Знает цену мгновению. Знает, когда вперед наступить, а когда и назад отскокнуть.

Такого на испуг не проймешь. Как бы самому живым остаться. И наскоки его умелы. И защита его крепка. Только поворачиваться успевай. С таким не в поединке, а за столом посидеть бы. Или вместе поупражняться. Многому он научить бы смог. Вот, например, как так лихо у него получилось меч выбить, да от хлесткой, с пришитыми по краям свинчатками, полы плаща увернуться.

– Видно, и мне пора в Вальхаллу, – понял незнакомец, только ошибся.

Выронил вдруг граничник занесенный для последнего удара меч. И рухнул под ноги гостю незваному.

– Жив, Олаф? – послышался знакомый голос.

– Да, Свенельд, жив, – ответил.

– Живые еще есть?

– Только собаки, да мирники¹⁶.

– О них уже можно не беспокоиться, – Свенельд (первый из троицы, высадившейся недавно на Древлянский берег) вытер свой меч о рубаху граничника и вложил в ножны.

И только тут понял, что больше не слышит собачьего лая.

– Ты как очутился здесь? – спросил он Свенельда.

– Да вот решил проверить, как ты с граничниками справляться будешь. И успел вовремя.

– Ты мне жизнь спас.

– Сочтемся. Пора возвращаться. Там уже нашего знака ждут.

Третий, угрюмый на вид, стал подниматься вверх по течению реки. Долго шел вдоль берега, кутаясь в туман, да так никого и не встретил. Спугнул только лося с водопою и поднял на крыло чирка.

– Ну, и хвала Одину, – шепнул он и повернул обратно.

¹⁶ Мирники – не ратные люди, живущие при граничных заставах и городах. Кузнецы, пекари, пастухи и т. д.

Довольно долго на берегу не было признаков движения. Ни звука. Уже стало казаться, что лодка просто оставлена кем-то из рыбаков. Только река тихо, но настойчиво толкала ее в борт, стараясь сорвать с привязи и увлечь за собой на встречу с батюшкой Днепром.

Наконец, низкая наволочь начала светлеть, обозначив начало нового дня. Туман, уставший от ночного лежания на мягкой перине реки, стал подниматься к небу.

Очнувшись от короткого летнего сна, большой окунь шугнул стайку рыбе́й мелюзги, притаившейся в зарослях камыша, и обезумевшие от страха уклейки бросились врассыпную, выскакивая из воды и снова шумно плюхаясь в реку.

В этот момент возле лодки, словно из-под земли, выросли три человеческие фигуры, укутанные в тяжелые от сырости плащи.

– Ну? Что у вас? – тихо спросил Свенельд.

– У меня чисто, – ответил угрюмый, а Олаф просто кивнул молча.

– Хорошо. Пора давать сигнал.

Свенельд повернулся к реке, сложил руки ковшиком, поднес их к лицу и призывно закричал селезнем.

Почти тут же над рекой разнеслось ответное криканье утицы. Дескать, жди суженый мой, сейчас прилечу. Но вместо шуршания утиных крыльев послышался громкий плеск весел. И, точно диким зверем, вырвался на волю, пугая летнее утро, многоголосый шум переправы.

Спустя некоторое время, разрывая остатки тумана, на глади Ирпеня показался большой, тяжело груженный плот. На плоту сидело несколько гребцов. Но это были вовсе не рыбаки. Это были ратники в полном вооружении. Посреди плота, точно изваяние, высился боевой белый конь. Он испуганно таранился вокруг, недовольно фыркая и стучал копытом о деревянный настил. Но шесть крепких ремней, закрепленных за сбрую и привязанных к железным скобам, не давали ему свободы.

По бокам от коня, держась за его узду, стояли два человека.

Плот скрежетнул по прибрежной отмели и зарылся носом в песок недалеко от лодки разведчиков.

Пока воины освобождали коня, первый, высокий, с ног до головы одетый в броню, стал выбираться на древлянский берег. Он был несколько неловок. Поскользнулся на мокрых бревнах плота, но крепкая рука второго человека не дала ему упасть. Второй был коренаст и крепок. Тяжелая броня, которая совсем не казалась на нем тяжелой, тяжелый взгляд, тяжелый боевой топор на плече и рука, крепко сжимающая чужой локоть, говорили о том, что этот человек обладает недюжинной силой. Седые варяжские усы, заплетенные в тонкие косички, свисали из-под железных колец брамицы. Никогда этот человек их не брил, и длина их говорила о том, что этот варяг стар. Очень стар.

Первого разные люди знали под разными именами. Древляне называли его Ингварем. Варяжская дружина, основная опора и гарантия сохранения власти, – конунгом Ингваром Хререксоном, но ему, родившемуся и выросшему вдали от балтийских берегов, больше нравилось, как звали его Поляне – каган¹⁷ Игорь Рюрикович¹⁸.

¹⁷ Каган – титул князя Киевского. До завоевания Киева Вещим Олегом, Полянская земля входила в Хазарский каганат и платила дань хазарам. Академик Рыбаков пишет: «Византийский титул (царь – О.Г.), пришел на смену восточному наименованию великих князей киевских «каганами». А митрополит Иларион (1051—1054), первый русский по происхождению, занявший этот высокий пост, написал сочинение «Учение о Ветхом и Новом законе», куда вошла и «Похвала кагану нашему Владимиру».

¹⁸ Ингварь, Ингвар Хререксон, Игорь Рюрикович – киевский князь из варяжской династии, известный по летописям, как Игорь Старый (род. прим. 875 г. – ум. 945 г.)

Имя второго знали только сам каган, сотня варягов-ратников Старшей дружины, ярлом¹⁹ которой он был. А еще с десятков племен и народов, разоренных старым варягом, пугали этим именем непослушных чад.

– Ты уверен, Асмуд? – шепнул Игорь старому воину, который все еще крепко держал его под руку.

– Да, конунг.

Игорь поморщился и высвободил руку из цепких пальцев.

– Сколько раз тебе говорить, чтоб ты звал меня каганом.

– Прости, конунг, – ответил Асмуд. – Этот дикарский язык...

– А... – махнул закованной в железо рукой Игорь. – Почти полвека это наша земля, а ты все «дикари». Сколько твоих отпрысков по Руси бегают? Они что, тоже дикари? Выходит, ты и сам дикарь, – и рассмеялся.

– Может, и дикарь, – обиделся Асмуд. – Только и родной язык забывать не дело. Вот, помню, отец твой, Хррек, тот по-дикарски всего два десятка слов знал, да и то половину из них при детях говорить нельзя, – и сам засмеялся, оглядываясь на дружинников.

– Оттого и едва спасся, когда Вадим²⁰ против него поднялся. Ты лучше не о Хрреке, ты лучше о друге своем Хельги вспомни. Он как говорил? Гардерика²¹ – великая страна. Кто правит ей, тот правит вселенной. А быть ее правителем можно, только зная ее обычаи, нравы и язык. И потом, если ты помнишь, моя мать тоже не Одину, а Хорсу требы творила²². Ладно... этот спор у нас бесконечный. А сейчас не до споров. Сына своего зови.

– Хорошо, – примирительно сказал Асмуд и крикнул:

– Свенельд, тебя конунг ждет!.. – а про себя добавил: – Хвала Одину, что я не родился полукровкой.

Старший разведчик что-то тихо сказал своим товарищам. Те закивали и скрылись в кустах. Сам же он направился к кагану.

– Что там, Свенельд? – спросил Игорь, опасливо вглядываясь в лесную чащу.

– Туман, – ответил тот. – Все тихо. Я же говорил, что получится. Берег чистый. На ближайшей заставе граничники спят, – он усмехнулся. – Крепко спят. Сном вечным. Сам проверил. Не ждал нас Малко. Он же ятвигов усмиряет, – и снова усмешка. – А там ему Хорлаф жару задаст. Если все, как задумано, получится, то живым ему домой не вернуться.

– Хорошо, – кивнул Игорь. – Бери под начало Большую дружину и половину войска полянского. Ступайте на запад. Отрежь Малу дорогу к Коростеню. Все же сомневаюсь я, что Хорлаф его надолго задержит. Асмуд! – крикнул он, не оборачиваясь. – Скоро ты там с конем управишься?

– Да готово уже, – ответил старик и свел коня на берег. – Садись, конунг. Конь не драккар, по морю не пройдет.

– Зато по лесу пройдет, – огрызнулся каган. – И хватит ворчать, старый пень. Пора нам княгине Беяне напомнить, кто на Руси хозяин...

Между тем, все больше плотов приставали к берегу. С них быстро выгружали коней и оружие. Полянское войско, воспользовавшись отсутствием князя Мала Нискинича, вторглось в Древлянскую землю...

¹⁹ Ярл (*сканд.*) – предводитель. Примерно то же, что «болярин» у древлян, и «боярин» у полян.

²⁰ Вадим – Вадим Хоробр, поднявший в 862 году антиваряжское восстание в Новгороде.

²¹ Гардерика – Страна Городов, скандинавское название Руси.

²² «...требы творила...» – приносила жертвы. Хорс – Солнечный Бог, покровитель Новгородской земли. Мать Игоря, скорее всего, была славянского происхождения.

Неистойой бурей прокатилось нашествие по Древлянской земле. Игорь с ходу разорил и сжег несколько малых городков. Подошел к Малину-на-Ирше²³. Да здесь и приткнулся.

²³ Малин-на-Ирше – древлянский город, заложенный Малом Нискиничем в честь рождения своей дочери Малы (Малуши) примерно в 940 году.

9 июля 942 г.

Не широка Ирша-река и не глубока, вроде, а где попало не перейдешь. Уж больно круты у нее берега. Чащей непролазной поросли. И захочешь к воде спуститься, да не сможешь. Либо в корнях на крути завязнешь, либо шею свернешь, с крутояра скатываясь.

Лишь в одном месте есть спуск пологий, только и тот прикрыт. Переправа под надежным приглядом. На левом берегу стоит Малин-град. Невелик городок, да срублен крепко.

Два лета назад велел князь Мал, в честь рождения дочери, на месте рыбацкой веси крепость заложить. И дочке почет, и дорога на Коростень с полудня присмотрена.

У Малина-града стены стойкие. Из вековых дубов, да в два наката. Глиной склизкой обмазаны. Ни воды, ни огня не боятся. По верху стен клетки с бойницами, тесом от непогоды крытые. Да две башенки ворота под защитой держат. Не город, а орех-лещина твердый.

И пусть защитников у Малина не много, всего-то одна лодья воинов, да человек тридцать напуганных нашествием рыбаков с чадами и еще пара огнищан с домочадцами, но с наскоку Игорю взять городок не посчастливилось.

Немало воинов полянских, древлянскими стрелами истыканных, унесла Ирша-река. Для них переправа под Малином дорогой в Горы Репейские обернулась.

Тем же, кто живыми под стены городские добрался, еще меньше повезло. Окатили их кипятком защитники.

– Это для сугреву вам! – кричат.

Обратно в реку пришлось полянам окунаться. Из холодной воды в горячую. Из горячей воды в холодную. И впрямь баня получилась. Только стрелы древлянские всласть попариться не дают.

Из трех сотен человек, посланных Игорем на штурм, обратно чуть больше половины вернулось. Да и то, многие из выживших ранены или ошпарены.

Пока войско полянское в становище своем раны зализывало, да на древлян ругалось, каган киевский со своим воеводой совет держали.

Вышли на крутой обрыв. Встали под огромной сосной. Внизу Ирша течет, безучастная к людским делам. А на том берегу городок стоит. Смотрят на тот берег конунг с ярлом. Вот он, Малин. Как на ладони. А пойди, возьми его.

– Что же делать, Асмуд? Что делать? – Игорь от досады ногти грызет, ногой топает.

– Думай, конунг, – Асмуд оперся на рукоять своего боевого топора, внимательно разглядывал город на том берегу, словно что-то прикидывал. – Думай, конунг, – повторил он, – потому как с нахрапа нам его не взять.

– Может, измором возьмем? – Игорь старался найти выход из положения, но не находил и от этого еще пуще злился.

– Некогда их измором брать, – спокойно ответил старый варяг. – На то не один день понадобится. А нам к Коростеню спешить надо, пока Мал с дружиной по ятвигским уделам бродит. Наверняка княгиня Беяна уже знает, что мы к ней в гости заглянули. Готовится, небось, столы накрывает, – и рассмеялся.

– Ну? – каган нетерпеливо одернул старика.

Тот сощурил глаз, посмотрел на Игоря и, сграбастав усищи в кулак, забросил их за плечо.

– Вижу, – обрадовался каган, – придумал ты что-то. Ведь придумал же?

– А знаешь что, конунг? – старик забросил на плечо свой топор. – Я думаю, что пришла пора горшки цареградские в дело пустить.

– Да ты что? – отмахнулся Игорь. – Их же всего четыре штуки осталось.

– Вот два здесь и потратим. А два для Коростеня оставим.

– Жалко, – сказал каган.

– Жалко у пчелки в заднице, – зло посмотрел Асмуд на Игоря, но, словно спохватившись, отвел глаза.

– Вели своим дикарям, – кивнул он на становище войска полянского, – чтоб нашли в лесу три елки поравнее, и дубок покрепче. Будем приспособу мастерить.

Весь остаток дня и, почитай, половину ночи в полянском становище стучали топоры.

– Что-то затевают Перуновы пашенки, – сказал малинский посадник, вглядываясь с башни в огни на правом берегу Ирши.

Не знал он, да и знать не мог, что все это время поляне готовили ему, и всем оказавшимся под его защитой Дажьбоговым людям страшный подарок.

Войско полянское разбилось на ватаги, и у каждой было свое дело. Одни мастерили крепкие колеса, другие прорубали дорогу к круче, с которой утром наблюдали за Малином-градом Игорь со своим воеводой, третьи...

Жарко пылали костры в стане захватчиков. Светили ратникам, ставшим на время плотниками, чтоб ненароком не ошиблись, да не оттесали лишнего. А те старательно обтесывали дубовое бревно. На брус его сводили.

Под водительством Асмуда, воины ладили приспособу.

– Эй-эй, – прикрикнул на плотника старый варяг, – не егози! Уже лишку снимать начал!

Он подошел поближе к работникам и принялся пальцами замерять размеры бруса.

Работник напрягся. Знал, что у ярла нрав крут. Чуть что не так – берегись. Но ярл остался доволен работой. И ратник вздохнул спокойно.

– Эй!.. – снова кричит варяг и спешит к другой ватаге.

Те тоже стараются во всю. Шкурят сосновые стволы. Да, видно, что-то у них не сладилось. Ругается ярл:

– Сучки-то лучше снимайте! Чтоб ствол гладким, как лед был!

Стараются ратники. Пот с них градом. Глаза щиплет, а на губах соль.

А старый варяг уже третью ватагу мучает:

– Крепче вервье крутите, чтоб не распускались, чтоб не порвались от натяга!

И вьют ратники канаты. Конский волос с пенькой перевивают. Веревки, что у каждого с собой припасены, в общее дело пускают.

Уже за полночь перевалило, когда Асмуд велел приспособу собирать.

К тяжелой деревянной станине прикрепили шесть колес. Потом стоймя вогнали в торец станины дубовую раму. К ней вервье привязали и по просеке на берег Ирши потянули.

Тащат. Упираются. Ругаются, когда колеса меж древесных корней стрянут. Но тянуть не бросают. Попробуй брось, когда сам Асмуд на станине сидит, да на воинов покрикивает:

– Давай веселей!

Вот и веселятся все. Только от веселья этого как бы пупки не развязались.

А вслед за тягунами Асмудовы варяги брус дубовый несут. Да еще три ствола сосновых. Отполированных. Отглаженных так, что хоть смотришь в них.

Со стороны поглядеть – словно мураши в муравейник соломины тянут. Соломины большие. Тяжелые. А мурашам все нипочем. Будто без соломин тех муравейник развалится.

Только кому со стороны-то смотреть? Сквозь темень ночную, да лесную чащу.

Но дотащили они колымагу до места. Перун им помог или крепкое воеводино словцо? Теперь уж не важно. Главное, что на место станину доставили.

– Колеса крепите, – Асмуд легко спрыгнул на землю. – Брус, бревна и канаты вот здесь, у кустов, складывайте. Да поосторожней. Не поломайте ненароком.

– Егри, – подозвал он к себе десятского из личной охраны конунга, когда воины исполнили приказание. – Ты со своими людьми здесь оставайся. Если кто ближе, чем на два десятка шагов подойдет – убей.

– Понял, ярл, – кивнул десятский.

– Остальным – спать! – велел старый варяг и пошел прочь.

И все воины направились к становищу, посреди которого в своем шатре мирно спал каган Киевский Игорь Рюрикович.

10 июля 942 г.

Утро обещало быть погожим. Ветер разогнал тучи, и Природа вспомнила о том, что в Древлянской земле середина лета. Прижгло бор жаркое солнышко. Пар повалил от сосен и дубов. От истосковавшейся по теплу земли.

– Хороший денек, – сказал малинский посадник. – Может, поживем еще? – спросил он ратника, стоящего у бойницы, но не стал дожидаться ответа.

Он прошел по крепостной стене и задержался на площадке башенки, прикрывавшей ворота в город. С нее открывался отменный вид на реку, переправу и лес на том берегу.

Еще недавно посадник любил по утрам подниматься сюда, чтобы полюбоваться рассветом и вознести кощуны и требы Покровителю. Теперь же он знал, что там, за рекой, стоит полянское войско и варяжская дружина волка-Ингваря. От этого было гадко на душе. Гадко и противно. Отвернулся посадник от башенной бойницы. Посмотрел на малинский стогнь.

А здесь, одетые во все чистое (вдруг что не так, как же в нечистом перед Дажьбогом предстать?) мирники готовились отражать вражеское нападение. Все, от мала до велика, трудились на оборону.

Кто-то костры разжигал под большими чанами, наполненными водой. Не понравился вчера захватчикам кипяток. Не любят, видать, шпариться. Кто-то стрелы каленые и простые в вязанки вязал и мальчикам раздавал, чтоб те стрелкам подносили.

А какая-то дородная баба на костерке похлебку варила. Мирно так. Буднично. Оно и понятно. Бой – боем, а есть захочется. Проголодаются защитники, так ничего. Вот и похлебка готова. Кушайте, сил набирайтесь.

А вон старик на солнышке приснул. Улыбается во сне, может, молодость ему снится. Так пускай. Не потревожил бы кто...

Вздыхнул посадник. Тяжело вздохнул. Хороший денек нынче Дажьбоже послал. В такой день и помирать не хочется.

– Болярин, – услышал посадник.

Обернулся.

Ратник молодой, только усишки пробиваться начали, его зовет да на переправу рукой указывает.

Взглянул посадник, а на переправе человек. Не воин. Обычный огнищанин. Свой. Древлянский. Бредет по пояс в воде, а сам руками размахивает. Дескать, не стреляйте за ради Покровителя.

– Не стрелять! – крикнул посадник, чтоб лучники слышали.

Обрадовался огнищанин. Понял, что не падет от древлянской стрелы. Быстрее через реку побрел. Выбрался на берег. Голос подал:

– Православные!²⁴ Отворите! Впустите за ради Дажьбога! У меня к вам слово есть! – и кулаком по дубовым воротам.

– Впустите! – кричит посадник, спускаясь со стены.

Гладко по смазанным коровьим маслом проушинам скользят запоры. Приоткрываются тяжелые ворота, и огнищанин втискивается в узкий проход.

– Кто таков? – спрашивает подоспевший посадник.

– Вязгой меня люди добрые нарекли, – отвечает огнищанин.

– С чем пришел, Вязга?

²⁴ Православные – Православие исконно славянская вера. Правь – тропинка между Явью (реальным Миром) и Навью (Миром духов). Жить по Прави – жить по моральным законам. Правь славить – соблюдать моральные нормы и славить Богов покровителей.

- Со словом от Ингваря. От боярина его Асмуды. Переговорщик я.
- Ну, и чего этот Муда хочет? – не сдержал улыбки посадник.
- Знамо что, – отвечает переговорщик. – Хочет, чтоб ты, боярин, Малин-град сдал...
- А за это он мне благодар с княжьего плеча. Злато и рухлядь разную? – снова улыбнулся посадник, дескать, знаем мы полянские посулы.
- Нет, боярин, – покачал головой Вязга. – За это он тебе и людям твоим жизнь оставит. Ежели, конечно, стремя Ингвареву коню поцелуешь, да с ним супротив Коростеня выступишь. Зашумели недовольно люди вокруг. Но остановил их посадник, руку вверх поднял.
- Ну, а ежели откажемся мы? – спросил он переговорщика.
- Тогда их Перун покарает вас. Стрелы свои огненные на Малин пустит.
- Еще сильнее завозмущались люди. Где это видано, чтоб на земле Даждьбога Перун Полянский свои порядки наводил, да еще стрелами грозился?
- Ну, а ты сам что скажешь? – спросил Вязгу посадник.
- А по мне, так остался бы я с вами, – ответил огнищанин, – да показал бы врагам, чего стоит древлянин супротив полянина.
- Так оставайся, – посадник повел рукой, точно приглашая. – За чем же дело стало?
- Не могу, – тяжело вздохнул Вязга. – Там, – махнул он рукой в сторону реки, – жена моя, да две дочери. Асмуд сказал, что коли не вернусь с ответом от тебя, он их на потеху воев своих отдаст. А потом на лоскуты порежет. Рад бы остаться, – махнул рукой переговорщик, – только Недоля мне нынче выпала.
- Ясно, – посадник поправил меч, висевший на поясе.
- Ну, так что мне Ингварю сказать? – спросил огнищанин.
- А то сам не знаешь? – ответил посадник и улыбнулся хитро.
- Знаю, – улыбнулся в ответ Вязга.
- Постоял. Потоптался.
- Ну, так пойду я?
- Ступай.
- Скрипнули надрывно ворота, и переговорщик вышел из града.
- Уже на середине реки Вязга обернулся. Посмотрел на стены Малина-града, увидел в одной из бойниц посадника, рукой ему помахал.
- Помогай вам Боже, – прошептал и дальше пошел.

- И что они сказали? – спросил его Асмуд, когда он, мокрый, выбрался на берег.
- Сказали, чтоб шли вы к Марениной Матери, – ответил Вязга.
- Так, значит? – дернул себя за усы воевода. – А ты им про стрелы Перуновы говорил?
- Говорил.
- А они?
- Велели, чтоб вы эти стрелы себе в задницу засунули.
- Значит, сами не сдадут град?
- Не сдадут.
- Тогда, – старый варяг повернулся и решительным шагом направился к становищу, – пускай на себя пеняют.

- Конунг! – позвал ярл, подходя к шатру.
- Сколько раз тебе говорить? Не называй меня конунгом, – показался Игорь из шатра. Отмахнулся от этих слов варяг, как от мухи кусучей:
- Пора, конунг. Не хотят они по-доброму. Будем по-злomu. Вели, чтоб горшки к приспособе тащили.

Бережно, точно величайшую драгоценность, несли варяги два больших кувшина. На каждый по четыре воина.

– Ох, и чудные эти ромеи²⁵, – оскалился один из воинов, обнажив почерневшие от времени зубы. – Что за смешные горшки? Дно вострое, поставь – упадут.

– Ты осторожней с ними, Айвор, – прикрикнул на него по-свейски Егри. – Или забыл, как от этих горшков прошлым летом наши драккары полыхали? Смотри, не оступись, а то раньше времени в Вальхаллу все отправимся.

– А я что? – сразу посерьезнел Айвор. – Я ничего. Уж и сказать ничего нельзя?

– Отчего ж нельзя? – опасливо покосился на свою ношу Егри. – Ты только не забывай под ноги смотреть.

Наконец, варяги донесли свою ношу на кручу. Здесь уже суетились воины. Прилаживали дубовый брус к раме, притягивали его крепким вервьем к станине.

– Вот сюда, на песок горшки цареградские кладите. Да аккуратней, не кокните, – велел носильщикам Асмуд. – Окатыш нашли? – спросил он у подбежавшего воина.

– Да, ярл, – ответил тот, – несут уже.

Через некоторое время из леса появилось еще четверо. Эти несли большой камень округлой формы.

– Что так долго? – заругался на них старый варяг.

– Прости, ярл, долго подходящий окатыш найти не могли.

– По весу-то подходит?

– Должно быть, да.

– Ладно. Привязывайте.

Воины привязали окатыш к концу соснового ствола. Затем подняли ствол, просунули его в раму и уложили на станину.

– Айвор, – позвал ярл, – ты у нас лучший лучник, тебе и на цель наводить.

– Хорошо, ярл, – откликнулся чернозубый, – только попервости оперение на ствол приспособить надо.

– Ташу уже, – кто-то из воинов принес три оструганных доски и вставил их в пазы на конце ствола.

Теперь сосновый ствол стал окончательно похож на огромную стрелу с окатышем вместо наконечника и струганными досками вместо перьев.

А сама приспособа превратилась в большущий лук, накрепко приделанный к тяжелой станине.

– Давай, – Асмуд хлопнул по плечу Айвору своей тяжелой ручищей. – Наводи. Нужно, чтоб стрела точно над градом прошла.

– Левей давайте, – распорядился Айвор, довольный тем, что сейчас все выполняли его веление. – Еще чуть... Ты куда дергаешь! – заорал он на чрезмерно усердного десятского.

– Я стараюсь... – смутился Егри.

– Ты всю наводку сбил! Теперь правой давайте. Еще... так... еще... Хорош! А-а-га-а... – Айвор приложился щекой к стреле и зажмурил один глаз. – Вот так, ярл, я думаю, в самый раз будет. Крепи! – крикнул он воинам.

Те быстро загнали под колеса деревянные клинья, а канаты, привязанные к раме, натянув, привязали к деревьям.

– Крепко? – спросил Асмуд.

– Крепче не бывает, – ответил Егри.

– Тогда тетиву натягивать надо.

²⁵ Ромеи – так на Руси называли византийцев.

Самый крепкий канат привязали к середине тетивы, обмотали вокруг ошкуренного ствола векового дуба, стоящего рядом с задним торцом приспособы. Полили, для пущей гладкости, ствол водой и принялись натягивать тетиву.

– И... раз, и... раз, – считал Егри, и четыре десятка воинов, повинувшись его командам, изо всех сил тянули за вервье.

Вначале неохотно, но потом все легче дубовый брус начал выгибаться дугой.

– И... раз... – упираются ноги в торчащие корни. – И... раз... – трещат от напряжения жилы. – И... раз... – скрипят зубы. – И... раз...

– Только бы брус выдержал, – шепчет Асмуд. – Только бы выдержал...

Выдержал брус. Что ему, дубовому, делается. И вервье не порвалось. И канаты не лопнули.

– Хорош! – крикнул Айвор. – Вяжи!

Привязали конец за дальнее дерево. Звенят канаты. Как струны звенят. Хоть плясовую на них играй. Только кто теперь плясать-то вздумает?

Под вервье колоду поставили.

– Готово, ярл, – сказал Айвор. – Стрелять можно.

– Погоди, конунг должен подойти, – ответил Асмуд, а сам подумал:

– И где его только носит? Или опять задремал?

– Вон он. Едет.

И верно. Игорь уже подъезжал на своем коне...

Подъехал...

Спешился...

Поближе подошел. С опаской оглядел взведенную приспособу.

– Пробная? – спросил, кивнув на стрелу.

– Пробная, конунг, – сказал старый варяг.

– Ну, давай, – сказал каган и подальше отошел.

Старый варяг привычно закинул усы за плечо, подошел к колоде, поплевал на ладони, словно и не воин вовсе, а обычный плотник. Размахнулся своим боевым топором и со всего маху рубанул по вервью.

Со звоном лопнула натянутая струна. С шумом выпрямился дубовый брус. Ушла стрела в небушко...

– Раз... два... три... – загибал пальцы старый варяг, отсчитывая ее полет...

– Что они там, уснули, что ли? – переживал посадник. – Отчего на штурм не идут?

Он стоял на стене. Вглядывался в бор на том берегу. Все пытался рассмотреть там что-то. Пытался понять, что затеяли вороги.

– А может они это... – сказал молодой ратник, стоящий рядом.

– Что?

– Это... обратно повернули. А?

– Если б так... – посадник головой покачал. – Только не повернули они. И не повернут.

Им на Коростень надобно. А путь один. Через нас.

– Болярин! – крикнули со стогня. – Так греть воду, аль нет?

– Грейте, – ответил он, как отрезал.

– Что же они затевают? – повторил, вновь повернувшись к переправе. – Что затевают?

И тут тишину разрезал резкий свист.

– Смотри, болярин! – ткнул пальцем вдаль ратник. – Что это?

А свист все нарастал. Еще мгновение, и над головами изумленных древлян пронеслась огромная стрела. Перелетела над градом и с треском врубилась в лес за противоположной стеной.

– Мазилы! – крикнул молодой ратник, спустил порты и в бойницу свой голый зад показал. – Вы лучше сюда стрельните. Все одно не попадете!

– Вот они, Перуновы стрелы, про которые Вязга говорил. А я-то думал... – казалось, посадник был разочарован. – Слышь, Радоня, – крикнул он дородной поварихе, – накрывайте прямо на стогне. Обедать пора...

– ...девять... десять... – продолжал считать Асмуд, – одиннадцать... – он понял, что все пальцы загнул, и уже продолжал просто так, – двенадцать... тринадцать... четырнадцать... все. Пролетела.

Тем временем, воины, нарадовавшись вволю, принялись привязывать горшки к стрелам.

– Четырнадцать, – повторил ярл, отмерил четырнадцать вершков на шнуре, торчащем из узкого горла кувшина.

Потом то же самое сделал и на другом горшке, подумал немного и укоротил второй шнур еще на вершок.

– Заряжай! – приказал он воинам...

На стогне уже обед заканчивали, когда в небе вновь раздался свист.

– Во, – сказал кто-то, – Перун новую стрелу пустил.

– Пускай, – ухмыльнулся посадник, – а то ворон слишком много развелось. – Вот ведь людям заняться нечем, – хотел добавить он, но не успел.

Новая стрела, пролетая над городом, вдруг странно хлопнула. Вспухла огненным шаром. Оглушила людей весенним громом среди ясного неба и пролилась жидким пламенем на стогнь.

– А-а-а-а!.. – страшно заголосила Радоня.

В испуге черпаком прикрылась. А через мгновение крик ее утонул в реве упавшего на людей огненного шквала.

С воплями все бросились врассыпную. Старались укрыться от пыла и жара. Да какое там. Разве от Пекла укроешься?

Огненный ливень хлестал беспощадно, не жалея людей.

Не понял посадник, как очутился под вспыхнувшим столом. Прополз вдоль него, наружу выглянул и почувствовал, как волосы на непокрытой голове дыбом встают.

Прямо на него бежит мальчонка лет шести. Из огнищанских чад, что за стенами Малина от врагов укрылись. Бежит и обезумевшим факелом пылает. Кричит он так, что, кажется, еще немного, и сердце посадника не выдержит. Жутко кричит. А пламя жрет его. Тварью ненасытной. Истязателем безжалостным.

Выскочил посадник из-под стола...

Схватил ковш с водой...

Плеснул на мальчонку...

Отпрянул в ужасе.

От воды еще пуще огонь вспыхнул²⁶.

– Ма-а-а-ма! – захлебнулся криком мальчишка.

²⁶ Так называемый «греческий огонь», рецепт приготовления которого не сохранился до наших дней, по описаниям современников подразделялся на два вида. К первому виду относилось приспособление, напоминающее современный огнемет. К металлической трубе с торца крепился резервуар с жидкостью. В этот резервуар при помощи мехов нагнетался воздух. Затем открывали кран и жидкость под давлением через трубу, на конце которой находилась жаровня с древесным углем, вырывалась наружу огненной струей. Дальность «стрельбы» из такого «огнемета» была невелика (до пяти метров), поэтому данные приспособления использовались византийцами при атаке на вражеские корабли. В Повести Временных Лет говорится о том, что именно таким способом греки сожгли флот князя Игоря (6449 г.). Ко второму виду относились глиняные амфоры с запалами, которыми при помощи метательных машин (оксибелесов и онагров) обстреливали вражеские города и укрепления. Согласно хронистам, особенностью «греческого огня» было то, что от воды он разгорался сильнее. Потушить его можно было только песком.

Упал.

Затих.

А вокруг люди полыхающие мечутся. Вонь стоит нестерпимая.

Копотью воняет...

Плотью горящей...

А посадник так и застыл с ковшом в руках.

Стоит...

Безумными глазами смотрит на догорающего...

Поделаться ничего не может.

– Болярин! Болярин! – сквозь крики и огненный рев слышит посадник и с трудом понимает, что это его зовут.

– Болярин! – подбежал к нему ратник. – Поляне с русью на штурм идут!

– Где? – спросил он, а сам от мальчонки глаз оторвать не может. – Где они?

– К переправе подходят!

И очнулся посадник от страшного сна.

– Кто живой?! – орет. – На стены! – а сам чувствует, как по щекам его слезы текут.

Утерся быстро, чтоб не видел никто.

Отшвырнул бесполезный ковш.

– На стены! – на бегу крикнул.

Вверх по лестнице влетел.

Дышит тяжело.

На переправу с ненавистью смотрит.

А там уже войско вражье.

– Звери, – прошептал посадник. – Звери лютые...

В третий раз махнул Асмуд своим топором. И ушла последняя стрела с огненным гостинцем.

Не выдержали канаты, что держали приспособу. Полопались. От этого подпрыгнула станина. О землю ударилась. От удара рама треснула. Так она теперь без надобности.

– Хвала тебе, Один! – крикнул ярл.

И крик этот подхватили варяги.

– Хвала тебе, Один!

А стрела перемахнула через реку, над полянским воинством пролетела и взорвалась над башнями воротными. Пролила на тесовые крыши свой огненный дождь.

Запылали башни. Пробежался алый ручеек по крыше, стек по стене на дубовые ворота. И ворота пламенем занялись...

К вечеру каган Игорь взял Малин-град.

Хозяином въехал через догорающие ворота. Остановил коня посреди площади. Сурово, как и подобает захватчику, взглянул на кучку защитников, окруженных плотным кольцом.

Не больше десятка их осталось. Обожженные. Израненные. Закопченные. Они молча ждали своей участи.

– Кто тут за старшего у вас? – спросил каган.

– Я, – ответил замазанный сажей не старый еще человек с выбитым правым глазом, опаленной бородой и надорванным ухом, и сделал шаг вперед, придерживая перебитую руку. – Посадник я малинский.

– Если хочешь жить, целуй стремя и на верность присягу давай, – сказал Игорь.

– Я уже один раз стремя целовал, – ответил посадник, – князю моему, Малу Древланскому. И по сто раз присягать не приучен.

– Смелый, – усмехнулся Игорь. – И как же звать тебя?
– Нет у меня больше имени. Вместе с ним, – показал он на сторевшие останки мальчишки, что все еще лежали на стогне, – вы мое имя сожгли.

– Как же ты без имени в Сваргу пойдешь? – удивился каган.

– Ничего. Там Дажьбог своих от чужих отличит.

Спустился с коня каган киевский, подошел к пленникам. Оглядел.

Два ратника молодых, почти мальчики. Смотрят зверенышами затравленными.

Девчушка к материнскому подолу прижалась. Разорван у матери подол почти до пупа. Видно, потешились с ней воины. И девчонку в покое не оставили. Трясет ее мелкой дрожью. В коленки материнские лицо спрятала.

Баба дородная. Волосы у нее на голове почти совсем выгорели. Лысая стоит. Глаза потушила.

Мужичек огнищанин, рожа от побоев распухла, а из-под синюшных мешков колючкой взгляд ненавидящий.

Рядом кто-то сильно обгоревший лежит, и не разберешь то ли мужик, то ли баба. Сплошной ожог сукровицей сячится. Стонет тихонько, но жив еще. Или жива?

Наконец, к посаднику подошел. Посмотрел ему в уцелевший глаз. И что-то увидел там такое, от чего передернуло его.

Отвернулся каган.

Отошел прочь. Асмуда позвал:

– Что с ними делать будем? – спросил.

– Под нож всех, – ответил старый варяг.

– И баб тоже?

– Всех, – уверенно сказал Асмуд. – Это для других остражкой будет.

– Ну, как знаешь, – кивнул каган.

Он подошел к еще тлеющей лестнице и поднялся на стену. Красивый вид открывался с нее. Переправа как на ладони. Удобно. Жаль, что обгорело здесь все.

– Нужно будет восстановить, – подумал Игорь.

Потом обернулся и окинул взглядом свой новый город. Сильно он пострадал от греческого огня. Так это дело поправимое...

– Прими, Перун! – услышал каган.

Это внизу началась резня...

Игорь стоял на крепостной стене. Смотрел сверху на кровавую бойню. Во все глаза смотрел и ужасался от того, как пьянит, как щекочет ноздри запах горелой плоти и горячей человеческой крови...

С Вязгой я встретился спустя почти тридцать лет. Как раз с племянником²⁷ на Новгородский стол ехали²⁸. Решили по дороге на уток поохотиться, да по пути на избушку лесную наткнулись.

Так я со старым Вязгой знакомство свел

Семью он все-таки потерял. Не сдержал обещания старый варяг. Надругались над женой и дочерьми его ратники. А потом повесили, чтоб под ногами не болтались. Хотели и Вязгу повесить, да сбежал он.

В чаще избу поставил. Охотой да рыбалкой жил. О мести не думал. Не герой он. Огнищанин обычный. Так и тянул ляжку жизни потихоньку. Дни и лета не считал.

²⁷ Племянник Добрыни – Владимир Святославович, князь Киевский, известный как Владимир Красно Солнышко, или Владимир Святой.

²⁸ В 970 году благодаря Добрыне младший сын Святослава, княжич Владимир, стал княжить в Новгороде.

Иногда на него охотники набредали. Им-то долгими вечерами он и рассказывал историю о том, как держался и как пал город древлянский, Малин-на-Ирише.

– Вот только не помню, как того посадника звали, – закончил он свой рассказ. – А может, и не знал никогда...

12 июля 942 г.

На высоком берегу Ужа, на гранитном утесе, гордо и неприступно высились дубовые стены стольного города древлянского Коростеня.

У подножия крепости, но на почтительном расстоянии, опасаясь древлянских стрел, остановил войско Игорь. Здесь, на окраине деревеньки Шатрище, они вместе с Асмудом решали, что делать дальше.

Игорь восседал на своем коне, а рядом, оперевшись на рукоять топора, стоял старый варяг. Он снизу вверх смотрел на кагана, но в его взгляде не было ни капли почтения.

– Да, – вздохнул киевский каган, глядя на крепость, – корст, он и есть корст²⁹. Его горшками цареградскими не напугаешь. Хельги, и тот об него чуть зубы не сломал³⁰...

– Не убивайся так, – ответил ему ярл. – В городе войска, от силы, человек пятьдесят. Личная охрана княгини, да с окрестных деревень семей сто набежало. Огнищане – не воины. Если не рассусоливать, к вечеру в детинце пировать будем.

– Думаешь?

– Думаю.

– Хорошо, – согласился каган. – Бери город. Но Беяну не трогай. Она мне живой нужна.

– А то я не знаю? – съязвил Асмуд. – Я на приступ полян брошу. А как только они стену возьмут, тут уж и дружине твоей дело найдется.

– Так может, дружине и начать? – возразил каган. – И обучена лучше, да и броня на дружинниках двойной вязки, стрелы в ней стрять будут.

– Вижу, не жалко тебе варяжской крови, – рассердился Асмуд. – Ты уже под Царьградом позапрошлой зимой в руку войско взял. Что из этого вышло?

– Так они ж нас огнем своим...

– Огнем! А я тебе говорил, чтоб драккары пополам разделить, да вторую половину им в спину вывести... не послушал.

– Ладно тебе, – примирительно сказал каган. – Поступай, как знаешь.

Он тронул поводья, развернул коня и поехал в сторону войска.

Долго смотрел Асмуд вслед кагану Киевскому. Затем плюнул, выругался, закинул усы за плечо и отправился вслед за Игорем поднимать людей на штурм.

А пока воинство земли Полянской готовилось к атаке, за стенами Коростеня, в детинце, держали совет. Старейшин звать не стали. Мудры они, да только соображают не больно скоро. А тут мешкать нельзя. Враг времени на споры не оставил. Решать быстро надо. И решали.

Княгиня Беяна, ведун Гостомysl и совсем юный болярин Путята, его недавно Младшая дружина крикнула болярином, а Мал перед походом к ятвигам оставил во главе охраны, решали, как поступить с навалившейся бедой.

Асмуд оказался прав. Коростень защищала всего лишь горстка дружинников и чуть больше сотни укrywшихся за стенами жителей окрестных деревенок.

– Я считаю, что жизнь людей Дажьбоговых нужно сохранить любой ценой, – сказала княгиня.

– Ты права, княгиня, – ответил Путята. – Только что это за жизнь в позоре и бесчестии?

– Молод ты еще, болярин, – возразил Гостомysl. – Горяч больно. Сил у нас, что пальцев на руке, а у Ингваря полчище. Пожгут Коростень, да и все. Ну, положим мы свои головы,

²⁹ Корст – камень, гранит. По одной из версий, название Коростень произошло от слова «гранит».

³⁰ Варяги под предводительством Олега на своем пути из Новгорода в Киев сумели взять Смоленск и Любеч, но Коростень остался свободным, благодаря чему Древлянская династия сохранила свои владения и власть.

защищая стольный город, а толку? Время тянуть надо. Ждать, когда Мал с ратью возвратится. Ты отрока вслед князю когда отправил?

– Третьего дня ускакал Земко. Должно быть, уже в Ятвигский удел въехал, – сказал Путята, не ведая, что Земко лежит на лесной дороге, пробитый стрелами полянскими, и ворон – Кощеев выкормыш – клюет его мальчишеское лицо.

Не знал боярин, что князь Древлянский все дальше уходит от коренной земли.

– Вот и нужно Мала дожидаться, – ведун подошел к оконцу, увидел, как сила вражья все ближе подходит к городским стенам, и вздохнул тяжело. – Защити нас, Дажьбоже, – прошептал он тихонько.

– Не будет Ингварь ждать, – услышал он голос Беяны. – На штурм решится. Только нельзя ему в руки полонянами идти. Схитрить надо...

Княгиня велела открыть ворота города, как только нападавшие вплотную подступили к стенам древлянской столицы. И сама, с маленькой Малушей на руках, вышла навстречу полянскому войску.

Боярин Путята не хотел отпускать ее одну. И Гостомысл порывался с ней пойти.

Только Беяна настояла на своем. Гостомыслу сказала, чтоб на Святище шел. Послушников оберегал. Божьего человека не тронут, а мальчишкам достаться может. А Путяту попросила себя не оказывать и глупостей не совершать. Один шаг неверный, и напьется Марена людской кровушки.

А сама, страх свой поглубже загнав, поцеловала дочурку, попросила Дажьбоговой защиты от Перуна Полянского и шагнула навстречу неведомому.

Путята тем временем встал слева от ворот. Он старался не привлекать к себе особого внимания. Но был готов в любой момент кинуться на выручку княгине. С трудом справляясь с волнением, боярин бросил быстрый взгляд на стену. Там, скрываясь в тени бойниц, притаились Ярун и Смирной, лучшие лучники Младшей дружины.

Ярун держал на кончике стрелы Игоря. Смирной следил за Асмудом, Но старый варяг, словно чужая опасность, все время выскальзывал из поля зрения лучника. От этого всегда невозмутимый отрок злился. Губы до крови кусал. Но никак не мог старика на прицел взять.

Княгиня сделала несколько шагов. Остановилась.

Встали поляне. И варяги встали. Встала русь.

Навстречу Беяне выехал разочарованный Игорь.

Княгиня слегка склонила голову:

– Я, княгиня Древлянская, Беяна, дочь Вацлава³¹ князя Чешского, – твердо сказала, только веко на правом глазу княгини предательски дрогнуло. – Ты пришел на Древлянскую землю, а у нас чтят пришедших. Проходи в дом наш. Дружине твоей в детинце столы накрывают, остальным – на стогне. Дажьбог Перуна за стол свой зовет, – она вновь поклонилась Игорю и шагнула в сторону, уступая дорогу войску полянскому.

Нехотя Игорь сошел с коня...

Нехотя чуть-чуть склонил голову в ответ. При этом не спускал глаз с лица княгини. Старался понять, что у той на уме. Не понял.

Ничего не поделает. Не он взял Коростень, чтобы въехать в городские ворота верхом. Беяна повела себя так, словно не захватчиком, а гостем, пусть не прошенным, но гостем Игорь с полянами и русью своей войдут в древлянский стольный город.

Взял коня под уздцы...

³¹ Вацлав – происходил из династии пражских князей Пржемысловцев, добившихся в X в. господствующего положения в границах, как этнических чешских племен, так и в весьма обширных сопредельных территориях. Через несколько лет после того как выдал свою дочь за князя Древлянского, принял христианство. Был убит своим младшим братом Болиславом. Впоследствии причислен к лику святых.

Ох, хитра княгиня. Только через год уже никто и не вспомнит, как земля Древлянская стала частью Руси.

Пешим, с конем в поводу, неуверенной походкой каган Киевский вошел в Коростень. Войско вошло вслед за каганом.

Только Асмуд, проходя мимо княгини, на мгновение задержался. Он подмигнул маленькой княжне.

Та примостилась у матери на руках и с интересом рассматривала проходящих мимо странных людей в странных одеждах. Оружие звякает, почти как ее погремушки. Старик уса-тый ей смешно подмигивает. И она улыбнулась. И Асмуд улыбнулся тоже. Недобро.

Княгиня зашла последней.

Она передала Малушу Путяте, уверенная в том, что молодой болярин скорее умрет, чем кому-нибудь позволит обидеть княжну. А сама поднялась к себе в светелку. И тут упала на устланную кунным мехом постель и заплакала. От страха. От обиды...

Она понимала, что не разорять пришел в Древлянскую землю каган Киевский. У него и у ближних его были совсем другие задумки...

Как и обещал старый варяг, вечером Игорь с дружиной пировал в детинце князя Мала. Только не хозяевами они здесь оказались, а всего лишь гостями. Важными, но нежеланными.

В просторной палате по стенам ярко горели факелы. В палате этой еще со времен Нискини заседал Совет старейшин Древлянской земли. А теперь в ней были накрыты широкие столы. Но старейшины и сейчас были здесь.

Семь боляр Старшей дружины отца нынешнего князя Древлянского. Воины, знавшие радость победы, пляшущей на кончике меча, и пьянящую горечь тризны. Те, кто не дал Хольгу захватить Коростень, когда тот прошел от Нова-города до Киева. Оттого и осталась Древлян-ская земля свободной от руки варяжской. Те, кто ходил потом с тем же Хольгом к Царю-городу и к Саркелу хазарскому. Но не как русь его, а как попугачики. Те, к кому прислушивался князь нынешний. Те, кого почитали люди Дажьбоговы, как живых предков. Те, кто пока оставался по эту сторону Яви.

На длинных лавках расселись они вдоль стен. И не смотрели даже на столы с едой. Сидели, точно каменные. Молчали. Словно и не здесь были. А там, в своем давным-давно.

Но на стариков мало кто обращает внимание.

Да и какая разница, кто там сидит вдоль стен, если столы ломаются от еды и питья. Не поскупилась княгиня Беяна. Почитай, все подвалы коростеньские вытряхнула. И дичина на столах, и птица домашняя, словно не лето на дворе, а Коляду³² празднуют. Даже меды пья-ные и пиво хмельное велела выставить. А перед Игорем кувшин поставила тонкой ромейской работы. Не пустой кувшин, с зеленым вином. Из Царь-города Нискиня, отец Мала, привез. Берегли то вино. Думали на свадьбу Добрыни выставить, да, видимо, обойтись придется без того вина. А может, и еще случай представится, чтоб запасы пополнить.

А дружина Игорева рада. Крови не пролито. Все товарищи целы. Поют, кормят. Чего еще нужно? Радостно дружине. Пирует. Шумит. Здравницы выкликают. А войско полянское, и русь разноплеменная, те, что на стогне разместились, тоже не отстают. И у них столы не пустуют. Да и пива хмельного на всех хватит. Отчего же грустить?

И каган Киевский тоже не слишком огорчен. Без драки Древлянскую землю под себя подмял. Думал, что сложнее будет. А оно вон как повернулось. То, что дядьке Хельги не уда-лось, у племянника получилось. А то, что старейшины древлянские губы надули, так пусть их.

³² Коляда – праздник, посвященный зимнему солнцевороту (21—22 декабря по новому стилю). Отмечали самую длинную ночь в году. Считалось, что в эту ночь Коляда на своей летучей ладье спускается в Пекло (славянский ад) и там, перехитрив Кошца и Марену, будит опоенного сонным зельем Дажьбога. Праздник победы Жизни (Яви) над Смертью (Навью).

Киевские да смоленские тоже поначалу носы воротили. Дескать, не дело славянским родам под варягами сидеть. Даже подняться поначалу пытались. Только Хельги их скоро присмирил. Да и что, по большому считать, могут сделать огнищане против руси? Огнищанам жито растить да по лесам прятаться. А руси войны воевать, да кагану славу добывать. Вот и были Словены, Кривичи да Радимичи людьми вольными, а стали русскими.

А вино ромейское жарко по жилам течет. И голову туманит, и телу веселье придает. И скачут мысли серыми зайцами из прошлого в будущее. И все легким и простым кажется.

Игорь маленьким был, когда Хельги его из Нова-города с собой в дальний поход взял. Помнит он, как к горам киевским подошли. Как Оскольд не хотел город сдавать. Да только просчитался. Киевлянам надоел и он, и руга хазарская. Рады они были тому, что им варяг пообещал. Вот и открыли ворота. И крикнули каганом Игоря-несмышленища. И Русская земля за счет полянских вотчин еще больше стала. А потом сами хазары данью откупались, только бы Хельги их в покое оставил.

А вот теперь Древляне под Игоря лягут. Только бы Свенельд Нискинича перехватил. Чтob ни сам Мал, ни щенок его до Коростеня не добрались. С Беляной тогда будет проще договориться. В крайнем случае, в жены ее можно взять. И тогда уж точно все по Прави будет. Была Древлянская земля и – нет. Станет частью Руси. Хуже от этого не будет. Так что пока все идет, как идти должно. А что Асмуд сидит, словно кречет нахохлился, так это его дело.

Никак старый варяг не может в толк взять, что меняются времена. И люди тоже меняются. Он еще мальчишкой с Рериком в Гардерику пришел. С ним в Ладоге сидел, потом Новый город под себя брал. С Вадимом на новгородских улицах бился. С Хельги Киев от хазар чистил. А потом с ним вместе драккары на колеса ставил³³. Только как был он варягом, так им и остался. Все еще Одина да Торина чтит, требы им приносит. Перуна Полянского на дух не переносит. И плевать ему на то, что Большая дружина давно уже не из варягов, а из руси разноплеменной набрана. Все равно Асмуд за чистоту варяжской крови ратует и никак не может простить Рерику, что тот себе в жены словенку взял.

Любит он Игоря и ненавидит. Любит за то, что власть над Гардерикой держит, а ненавидит за то, что только пол крови в нем варяжской, потому и в жены Игорю чистокровную варяжку привез. Хельгу. Ольгой ее русь зовет. И пусть себе. Все меньше злого ей кудесники да недруги нашептать смогут³⁴. Да еще ворчит все время, что это ему не так, да то не по варяжски делается.

Но знает каган Киевский, что потребуется рука – Асмуд, не задумываясь, ту руку под топор положит. За Игоря Рюриковича не только руку, а и голову отдаст.

Знает, что не крепко Киевский стол стоит. Того и гляди, рухнет. А не станет Игоря, – может, и не быть варягам в Гардерике. Потому и возражать не стал, когда сына своего они с Ольгой на славянский манер назвали. Поворчал только. Но потом понял, что Святослав имя варяжское³⁵. И стерпел старый варяг. И продолжает терпеть. Борется с собой. Зубами скрипит, а сделать не может ничего.

И сына Свенельда так же воспитал. В любви и ненависти.

Только бы не подвел Свенельд. Только бы не подвел...

³³ «...драккары на колеса ставил...» – имеется в виду поход Олега на Византию 907 года. «...и повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. И с попутным ветром подняли они паруса, и пошли со стороны поля к городу...» (Повесть временных лет)

³⁴ «Все меньше злого ей кудесники, да недруги нашептать смогут...» – считалось, что имя человека несет в себе сакральную информацию. Зная имя врага, можно было навредить ему магическими действиями. Оттого, например, монахи, принимая постриг и отрешаясь от мирской жизни, берут другое имя.

³⁵ Святослав (прим. 940—972 гг.) – сын Игоря и Ольги. Имя Святослав состоит из двух частей – Святой и Славный. Хельга – святая, Ингвар – славный. Одновременно его можно перевести и как Властелин Славян. Свет – синоним власти. Именно так переводили имя Святослава арабские хронисты того времени.

А вино зелено кровь горячит. Может, не ждать гонцов от молодого воеводы? И так же все ясно. А днем раньше или днем позже, так какая разница?

А Беяна хороша. И лицом пригожа, и станом приятна. А ума у дочери старого Вацлава на двух хватит. Эка, она кагана Киевского повернула. Впрочем, для жены ума большого не нужно. Ольга, вон, тоже умом не обижена. Иногда даже оторопь кагана берет. А если они вдвоем сойдутся? Все они умные. Что Асмуд, что Ольга. Вот теперь еще Беяна появится. И все чего-то от него, от Ингвара Хререксона, хотят...

– Слушай, конунг, – голос Асмуда вырвал Игоря из дымки задумчивости, – а почему хозяев не видно?

– А разве не мы здесь хозяева? – возмутился каган Киевский.

– Ты, Ингвар, хоть и летами богат, а все как дитя малое, – сказал варяг с усмешкой. – Не ты Древлянской земле, а она тебе честь оказывает. А значит, не хозяин ты здесь. И пока это место тобой не завоевано. Порушено. Пограблено. Посрамлено. Да только в Русь княжество Древлянское пока не вошло. Ведь никто тебе стремя не целовал. Или не так?

– Так, – ответил Игорь.

– А если так, – Асмуд встал, огладил усы и поднял любимый, одетый в серебро, турий рог, который стащил у отца своего, Конрада Хитрого, когда еще совсем мальчишкой сбежал из родного фьорда вместе с Хререком и его ватагой в далекую Гардерику, – послушайте, други, меня... вашего старого глупого воеводу. – Притих пир, и старик продолжил:

– Много тут здравниц было сказано. И в честь конунга нашего, – кивнул он на Игоря, – и в честь Перуна-Громовержца, предводителя воинства небесного, покровителя всех, кто в руках оружие держать умеет. И в память о соратниках наших, которые по землям разным головы сложили. Только забыли мы хозяевам этого честного пира должное отдать, – он бросил быстрый взгляд на кагана, заметил, как того передернуло, усмехнулся. – Хозяевам, которые не поскупились на угощение и питье, оказав нам почтение и обещавшим щедрый благодар. За хозяев! – и выпил стоя.

А потом, когда дружина крикнула здравицу и выпила, сел и тихо, чтобы слышал только Игорь, добавил:

– Точно не твоя дружина, конунг, пирует, а князя Древлянского.

Игорь от этих слов взвился, словно ужаленный. Потом спохватился и сказал, стараясь выглядеть спокойным:

– Мы за хозяев пьем, а самих хозяев нет возле нашего стола. Не гоже так. Эй! – крикнул он отрокам древлянским, подносившим еду и питье:

– Где княгиня Беяна? Отчего она нам глаз не кажет? Точно и не гости мы, а злые недруги. Ну-ка, позовите ее сюда!

– Ласки просим, пресветлый князь, – склонил голову Путята, переодетый в стольничего. – Занедужила княжна Малуша. Видно, когда войско ваше встречала, ветерком ее прохватило. Княгиня Беяна княжну на Святище понесла. Знахарь наш Белорев с князем Малом по надобности отлучился. Но, на счастье, ведун Гостомысл искусен не только в общении с богами, но и знает, как хвори гнать. Вот княгиня и...

– Говоришь много, – оборвал его Игорь. – Я тебе сказал, чтоб ты позвал ее? Так зови! – рявкнул он так, что зазвенел уже почти пустой ромейский кувшин.

Спиной почуял Путята, как напряглись отроки. Только пальцы в кулак сжал, спокойно, мол, не пришло еще время. Поклонился кагану Киевскому и пущенной стрелой вылетел из палаты.

Быстро сбежал болярин по широкой дубовой лестнице. Выскочил на стогнь. Столкнулся с Яруном, который бочонок с медом пьяным в детинец тащил, крикнул на бегу:

– Готовы будьте!

Прошмыгнул мимо пирующих на площади ратников полянских. Мимо ярких костров. Мимо дударей и гусельников, которые старались во всю, веселя народ. Мимо пляшущей и хохочущей руси. Вырвался из цепких объятий захмелевшего русина, который хотел и его плясать заставить. Задержался у городских ворот, где стояли на страже Асмудовы варяги. Объяснил им быстро, что его за Беляной Ингварь послал. Подпалил у сторожки факел. Выбрался из Коростеня и бросился к Святишу.

Беляну и вправду здесь нашел. Только болезнь Малуши была предлогом. Княжна уже давно вместе с Гостомыслом, послушниками и двумя надежными отроками переправлена на другой берег Ужа и схоронена в лесном тайнике. Остальных чад и баб вывезли еще накануне. Береженого, как известно, и Дажьбог бережет.

Княгиня молилась. Она воскурила на алатырном камне духмяные травы. Отрубил голову вороне. Окропила ее кровью подножие идола Дажьбога. И теперь сидела на маленькой скамеечке, прислонившись спиной к шершавой коре огромного дуба.

Говорили, что дуб посадил сам Покровитель, когда отдавал древлянам в вечное владение эту землю. А Богумир-прародитель с дочерью Древой тот дуб взрастили. И теперь корни этого дуба по всей Древлянской земле проросли, скрепляя воедино и землю, и бор, и реки, и людей.

Сидела княгиня, погруженная в свои мысли. Говорила о чем-то с Дажьбогом. То ли о муже расспрашивала, то ли жаловалась на свою нелегкую Долю. То ли совета просила.

Неподалеку, чтобы не мешать тебе, стоял Смирной. Он был приставлен к Беляне Путятый. К нему-то и подбежал молодой болярин. Затушил факел. Взглянул на княгиню и отвел глаза.

– Как она? – шепнул он.

– Держится, – тихонько ответил Смирной. – Я думал, хуже будет.

– Ты уж побереги ее, – Путята сжал руку отрока. – Как начнется, ее в охапку – и на тот берег.

– Ты за нее не переживай. Я скорее костями лягу...

– Не надо костями. Здраве будь. За нас. За всех, если что... а ее береги.

– А скоро ли?

– Вот-вот зелье подействует. На стогне уже дуреют все. В пляс пускаются. Потом плакать начнут. А уж потом...

– А в детинце?

– Там еще держатся. Видать, мало Ярун им насыпал. Или здоровы пить варяжины. Ладно, прощай.

Они обнялись. Путята в обратную собрался, да только не ушел.

– Болярин, – услышал он голос княгини. – Вы чего там задумали?

– Да нет, – смутился Путята. – Ничего, княгиня.

– Так, – сказала она. – Выкладывай.

– Что?

– Все.

Путята вздохнул. Потупил глаза. А потом улыбнулся и выпалил:

– Сейчас мы Ингваря резать будем. И всех людей его порешим.

Беляна остолбенела.

Путята быстро поклонился ей в пояс и рванул к Коростеню.

– Стой! – задохнулась княгиня. – Смирной, догони его!

Отрок не двинулся с места.

– Властью, возложенной на меня, приказываю! – рассердилась Беляна. – Догони его и верни.

Смирной настырно покачал головой.

– Дажьбогом тебя заклинаю, – прошептала княгиня. – Верни Путятю. Он же себя и нас всех погубит. Прошу. Верни.

Смирной подумал немного и припустил вслед за болярином.

Несколько долгих мгновений княгиня оставалась одна. Потом послышались шаги и появились Путята со Смирным.

– Хвала Дажьбогу! – облегченно вздохнула Беяна.

– Ласки прошу, княгиня.

– Давай рассказывай. Что вы там удумали?

Путята замялся.

– Зелье мы им в питье подмешали, – сказал Смирной.

– Что за зелье? Где вы взяли его? – Княгиня не на шутку рассердилась.

– Зелье, которое на время разума лишает, – болярин переминался с ноги на ногу, точно молодой теленок. – Еще в онадышное лето я, когда в послушниках ходил, от Белорева состав узнал. Одна мера дурмановых семян, две меры мухоморов сушеных, истертых в пыль...

– Это яд? – испугалась Беяна.

– Нет. От него только с разума на время сворачивают. Сначала весело становится, а потом так тоскливо, что хоть режьте, хоть боем бейте – все едино, – вступился Смирной. – Я сам пробовал... однажды...

– И что дальше?

– Вот-вот русь безуметь начнет. Мы бы их тогда и порешили бы всех. Перво-наперво – Ингваря да воеводу его варяжского. Ох, и злющий тот варяг, – Путята сверкнул глазами.

– Ты на себя посмотри, – урезонила его княгиня. – Чем ты того варяга лучше? А потом, значит, резать бы их стали?

– Как поросят, – решительно сказал болярин Младшей дружины.

– Прямо ножами? Да по горлу? Чтобы на стогне и в детинце склизко от крови стало? Или сначала поизмывались бы над ними? Глаза повывкальвали бы? Уши да носы поотрезали бы? Вас пять десятков, а их почти две тысячи. Неужто, пока одних резать будете, другие вас ждать станут?

– Непотребств, конечно, не творили бы, – Путята совсем сник. – Но только смотреть на этот позор мочи нет.

– Так, значит? А только, смотрю, болярин, забыл ты, что я сама их в Коростень впустила. Сама столы накрыла и гостями их назвала.

– Да какие они гости! – не стерпел Путята. – Они в Малине всех под корень извели! Ни баб, ни стариков, ни чад малых не пощадили! А ты, княгиня, их за столы сажать! Земле нашей бесчестье творят! В Старших объедками кидают! Князя нашего хулят! Тебя Ингварь позвать велел...

– Что? – перебила его Беяна. – Так это он тебя за мной прислал?

– Да, княгиня. Велел, чтобы ты в детинец явилась.

– Что ж ты сразу не сказал? Ну, пошли.

– Не пущу! – Смирной заступил перед княгиней тропинку.

– Пусти, – спокойно сказала Беяна.

– Пусти, – кивнул Путята. – Там уж, небось, очумели все.

Нехотя Смирной отступил в сторону.

– Ты, – сказала ему княгиня, – тоже здесь не останешься. Спускайся к реке. Там лодка привязана. Плыви на ту сторону. Скажи Гостомыслу, что у нас пока все по Праву. И гость в нашем доме – это гость. И вреда ему чинить никто не станет. Ни отравой травить, ни ножом резать, ни смертью бить. Так нас Дажьбог учил. И Марене с Кошеем этой землей не править. Ну? Пошли, что ли, Путята?

Игорь злился. Давно послал он отрока за княгиней Древлянской, а ее все нет. А Асмуд смотрит хитро, словно смеется. От этого злость еще настырнее подступает.

А вокруг веселье пенится, не хуже меда пьяного. Дружина в раздрай пошла. Кто-то песни орет. Кто-то гогочет, аж заливается. Кто-то, забыв о шуме и гаме, ткнулся головой в бок поросенка жареного и храпит да во сне причмокивает.

На мгновение Игорю показалось, что и не люди это вовсе пируют. Навье семя³⁶ наружу выперло. И будто не лица у людей, а морды звериные. Не руки, а лапы когтистые. Не говорят они, а рыкают страшно. А вместо яств на столе – люди мертвые. Вместо хмельного – кровь.

Оглянулся на Асмуда. А у того голова змеиная. Язык раздвоенный меж ядовитых зубов мелькает. И шипит он жутко:

– Полукровка никчемный... полукровка...

Оторопь взяла кагана Киевского. Глаза зажмурил. Головой тряхнул. Отпустило. Отхлынуло наваждение. Снова в Явь вернулся. Ух...

– Смотри, конунг, – смеется старый варяг, – вот и хозяйка пришла.

Беяна стояла посреди веселья, словно береза белая в дубовом лесу. Смотрела без опаски, но во взгляде ее, почудилось Игорю, было еще что-то. Что-то неуловимое. Он все пытался понять, что же скрывается за этим равнодушным взглядом. Вдруг понял. Брезгливость. И печаль. И неприятие. И понял каган, что так однажды уже смотрели на него.

Он почти не помнил своей матери. Она ушла к предкам, когда ему едва исполнилось четыре года. Он знал, что не по своей воле стала она женой варяга Хререка. Силой взял ее Ладожский властитель. Приглянулась, и все. И Игорь ребенком нежеланным был. Нечаянным. Дичком рос. Как былинка на ветру.

Однажды напроказил он сильно. Как напроказил, теперь не упомнить. Но помнит каган Киевский, что мать не ругала его. Посмотрела только прямо в глаза сыну. И это в память врезалось. А теперь всплыло. Княгиня Беяна на него, словно мать, смотрела.

От этого взгляда ему стало душно. И одиноко. И захотелось домой. В Киев. Спрятаться от всех. Чтоб в покое оставили. Чтоб не тревожили понапрасну. Тоска защемила в сердце. Аж выть захотелось. Волком выть.

– Что ж ты, княгиня, гостей без присмотра оставила? – спросил Игорь.

– Разве вы в чем нужду терпите? – вопросом на вопрос ответила Беяна. – Или яств вам недостает? А может, вино ромейское тебе по вкусу не пришлось?

– Вино вкусное, тут и говорить нечего. Я такого под Царем-городом изрядно попробовал...

– Это когда ромей твои ладьи пожгли? – она пожалела о сказанном, но слово не воробей...

– Нет, – Игорь и на этот раз сдержался. – Когда с кесарем мировую пили. Вино то в дань ромейскую вошло.

– Хитер кесарь Цареградский, – Беяна невольно улыбнулась. – Тебе вино в ругу дал, да сам же его и выпил.

Вспыхнул Игорь, точно солома сухая. Только солома быстро прогорает.

– Мне вина не жалко, – сказал, что отрезал.

– Мне, как видишь, тоже.

– Ты для нас, быть может, и другого не пожалеешь, – усмехнулся Игорь.

– Все, что было, на столы выставила, – насторожилась Беяна.

– Вижу. Только не больно весело на твоём пиру.

³⁶ «Навье семя...» – по представлениям того времени, весь Мир делился на три составляющие: Явь, Навь и Правь. Явь – явная часть Мира, обитель Земли, Природы и Человека. Навь – сокрытая часть Мира, обитель Духов, Стихий и Пороков. Правь – тонкая граница между двумя частями Мира, обитель Порядка, Морали и Нравственности. Жить по Праву – значит жить, соблюдая моральные и нравственные законы того времени (сравните с Даосским Инь, Ян и Дао).

– Разве? – княгиня оглянулась на безудержно веселившихся дружинников.

– Почему только отроки нам прислуживают? Девочек бы позвала. Пусть бы нам песен попели.

– Я бы с радостью, – голос княгини дрогнул. – Только разбежались девки. Если бы знали, что Ингварь с женихами в Древлянскую землю за невестами пришел, наверное, сейчас и пели, и плясали бы для вас. А то ведь слух пролетел, что не невесты тем женихам нужны, а приданое. Вот и разбежались.

– Тогда, может, сама нам споешь?

– А что? Петь я люблю, – сказала Беяна. – Но не пристало жене без мужа на пиру петь. Муж вот вернется, так мы вместе споем.

Беяна только сейчас заметила, как внимательно слушает их разговор Асмуд. Он подался вперед, чтобы не пропустить ни слова. Напрягся весь, губы сжал. А выпуклые стариковские глаза впились в княгиню, словно вгрызлись. Она не испугалась этого взгляда. Не потупилась. Смело ответила на него. И вдруг увидела, как в зрачках старого варяга вспыхнул огонь. Огонь ненависти. Он передернул плечами и отвернулся.

«Уж не зелье ли так на него давит? – подумала княгиня. – Ингваря эка перекошило. Руки трясутся. Кровью глаза налились. То в жар его бросает, то в холод. Как бы не вышло чего», – а вслух сказала:

– Ты сам-то петь любишь?

– Отчего ж не спеть, когда время есть. Только сейчас не до песен. Мне с тобой поговорить надо. Не здесь. Уж больно шумно. А разговор наш серьезным будет. На пирах так не говорят, – встал. – Где нам мешать не будут?

– Может, завтра? Говорят же, что утро вечера мудренее.

– Нет, княгиня. Сегодня. Сейчас.

Вот тут Беяна не на шутку испугалась. Пойди-узнай, что у него на уме. Он же опоенный. Да, видимо, выбора ей не осталось. Ладно. Защити Дажьбоже. Оборони от злого. Не хотел же Путята ее сюда пускать. Сама в Пекло сунулась. Видно, самой и выбираться.

– Пойдем, – сказала. – Поговорим.

Когда они выходили из палаты советов, Беяна заметила, как Путята кивнул ей украдкой. Спокойней на душе от этого стало. А еще увидела она, что Старейшины мирно спят, примостившись под лавками, точно не было ни шума, ни гама.

– Совсем как дети малые, – прошептала она.

– Или воины, в битвах закаленные, – хмыкнул Игорь.

Дальше шли молча.

Поднялись в княжеские покои...

Здесь было темно и тихо, словно вымерло все.

А еще третьего дня в детинце шум стоял похлеще нынешнего.

Владана, девочка сенная, рев подняла. Узнала она, что болярин Грудич собрался после возвращения из ятвигского похода не на ней, а на Загляде, дочери ключника Домовита, жениться. Будто и сговор уж был.

Сцепились они, точно кошки дикие. Чуть друг другу волосы не повыдирали. Насилу растащили их. И не страшило их, что Ингварь под стены коростеньские подходил, что земля Древлянская огнем пылала. И что Грудич сам мог в Ятвигском уделе голову сложить. Любовь да Обман в тот миг важнее были.

Ярко пылали костры на стогне. Золотые отблески играли на черных бревенчатых стенах Большого крыльца, по которому шли Беяна с Игорем. Чувяла княгиня Древлянская тяжелое дыхание за своей спиной. И старалась догадаться, о чем с ней хочет говорить каган Киевский. Впрочем, о чем может захватчик с побежденным говорить?

Кагана Киевского шатало. Иногда казалось, что пол уходит из-под ног. Порой чудилось, что тот же пол норовит его по лицу ударить. А потом вдруг привиделось, будто не отблески огневые на стенах пляшут, а навки бесстыдные в пляс пустились. В объятья жаркие его манят. Улыбаются ласково. Зовут к себе. Губами алыми непотребства нашептывают. Блаженства неземные сулят...

...и отхлынуло все...

А впереди княгиня Древлянская идет. Не идет даже, павой плывет. Лебедем. Бедрами покачивает. И чувствует каган, как в нем Блуд³⁷ просыпается...

«Вот ведь, как вино ромейское в теле зыграло», – подумал Игорь.

Не знал он, что не вино, а зелье, Путятной подсыпанное, ему ум за разум заводит. А если б знал? Несдобровать тогда боярину Младшей дружины. Ох, несдобровать...

– Куда ты меня ведешь, княгиня?

– Вот. Пришли уже, – она открыла низкую дверцу. – Сюда проходи, – и вслед за каганом вышла на сторожевую башню, ласточкиным гнездом примостившуюся над крыльцом коростеньского детинца.

– Кто тут?! – голос из темного угла башни заставил вздрогнуть и ее, и Игоря.

– Это ты, Гунар?

– Да, конунг. Меня ярл в сторожу поставил. А я приснул малость. Ты не знаешь, когда он мне смену пришлет?

– Ступай вниз. Выпей, да поешь.

– Асмуд разозлится,

– Скажи, что я тебя отпустил.

– Хорошо, – и варяг скрылся за дверью.

Ночь накрыла землю Древлянскую. Ясная. Звездная.

Там, внизу, уже затихали уставшие люди. Выпито и съедено было немало. Да и зелье не пощадило никого. И варяги, и поляне, и русь валились с ног и засыпали. Они валились, как скошенное жито. Один за другим. Забыв об осторожности. О том, что они в чужой земле. О том, что совсем не желанные они в этом городе. Захватчики. Враги. Сон наступал их, брал в полон и вводил в бесконечные дали грез.

Только варяжская стража у городских ворот, отроки Малой дружины, закупы³⁸ княжеские, несколько оставшихся в городе рядовичей³⁹, да еще княгиня Древлянская и каган Киевский не желали поддаваться сну.

Ключник Домовит тихонько поругивался на непрошенных гостей. А заодно покрикивал на холопов⁴⁰, которые принялись убирать столы со стога, стараясь не слишком тревожить спящих.

Здесь, наверху, в дозорной башне, дышалось легко и свободно. Прохладный ветерок прогонял дремоту. И на мгновение Беляне показалось, что страх, который закрался в ее сердце, как только узнала она о полянском нашествии, отступил.

Когда-то, много лет назад, еще совсем девчонкой, приехала княжна Чешская в Коростень, чтобы выйти замуж за княжича Мала. Так решили их отцы. А с отцами не спорят...

Сколько слез было пролито по дороге к Древлянской земле. Сколько горестных дум передуманно. Как не хотелось ей покидать отеческое гнездо. Свою светелку. Своих подруг...

³⁷ Блуд – необузданная страсть. Одна из составляющих человеческого естества.

³⁸ Закуп – человек, взявший у князя в долг добро или же средства производства в долг и этот долг отрабатывающий в течение определенного срока.

³⁹ Рядович – человек, заключивший с князем договор (ряд) на выполнение определенной работы за вознаграждение. Вольнонаемный.

⁴⁰ Холоп – «Тот, кто решился служить другому, – холоп, таково основное значение слова в Древней Руси». (В. В. Колесов)

Сразу после свадебного пира Мал не повел ее в опочивальню. Он привел ее сюда. В дозорную башню Коростеньского Детинца. И тогда тоже была ночь. И звезды так же мерцали, равнодушно взирая на землю. И была луна. Большая-большая.

Беляна стояла, подставив лицо ночному ветру...

А Мал все говорил... говорил ей о том, что нельзя без любви. О том, что должны узнать они друг друга. О том, что у него другая есть...

А потом... потом ушел в ночь. Ее одну оставил. Если бы не Домовит, она бы и дороги в спальню не нашла. А вскоре и муж вернулся. Взглянул на нее зло. Отвернулся и уснул...

Вот тогда она плакать больше не стала. Поняла, что за счастье свое еще побороться придется...

Много времени прошло прежде, чем любовь к ним пришла.

И однажды... Мал осторожно коснулся ладонью ее щеки и сказал просто:

– Если бы ты знала, как я благодарен Доле и Ладе⁴¹, что они мне дали именно тебя.

И она вдруг поняла, что тоже благодарна и Доле, и Ладе, и отцу...

И они вновь поднялись сюда. В башню дозорную Коростеньского Детинца...

Именно здесь они по-настоящему стали мужем и женой...

А потом еще часто сидели здесь по ночам. Обнявшись сидели. Дышали ветром и смотрели на звезды...

– Ты по дому скучаешь?

– Что? – не поняла княгиня.

– По дому скучаешь? – переспросил каган.

– Мой дом здесь.

– Так ты же родом из Чехии.

– Да, я родилась далеко отсюда. Только это было так давно... – он словно узнал ее мысли. – Моим домом стала Древлянская земля. Иногда даже забываю, что я не древлянка, – Беляна взглянула на кагана.

Княгине показалось, что лицо Игоря измазано кровью. Это свет от догорающих на стогне костров окрасил его алым.

– Но ты, наверное, не о Родине моей хотел поговорить? Не о прошлом?

– Нет, княгиня. Что было – видели, а что будет...

– Увидим, – сказала Беляна. – И что же будет?

– Ты умная, – то ли похвалил, то ли укорил каган. – И уже видишь, что войско мое в столице земли Древлянской. Ты нас гостями перед миром выставила. Но и сама понимаешь, что не гости мы вовсе. Словенская земля и Кривичи, Вятичи и Радимичи, Северяне и Поляне, все под мою руку встали. В Русь вошли. Настала пора и Древлянской земле Русью стать. Не хочу я силком вас к себе привязывать. Хватит огня. И крови хватит. Завтра на стогне при людях ты мне стремя поцелуешь.

– Я? – княгиня почувала, как холодок пробежал по спине. – Не по Прави это. Не я, а князь Древлянский должен такое решать. Вместе с людьми нашими согласиться, что под твоей рукой нам покойней будет. Вот приедет Мал, ты с ним такой разговор заведешь...

– Не приедет.

Беляна почувала, как дозорная башня под ногами качнулась. Как завертелось звездное небо над головой. Как Явь поплыла перед глазами...

Но сумела с собой совладать. Спросила спокойствие сохраняя:

– Что с Малом?

⁴¹ Доля – Богиня судьбы. Лада – Богиня любви.

– Его у ятвигов русь моя встретила. А в спину варяжская дружина с войском полянским подперла. Не выбраться ему из того котла, – Игорь не стал скрывать улыбки. – Так что, считай, ты теперь владельницей Древлянской стала. С тобой мне и договариваться.

Отлегло от сердца. Значит, не убийц подлых, войско каган против Мала послал. Может, жив еще муж. Может, вернется. Помоги ему Дажьбоже пресветлый.

– И помощь моя тебе не помешает. Ты чужая здесь. Пришлая. Как узнают древляне, что князь сгинул, сразу вспомнят, что ты не их рода. Прогонят. И куда ты с дочерью? К дяде в Чехию? Так он отца твоего убил. Думаешь, что тебя пожалеет? И к тому же, у него ляхи на голове плешь проели. А латины с моравами норовят землю отнять. Так что один тебе путь. В Русь...

Говорил, говорил, говорил каган Киевский, а у Беяны мысли совсем не здесь были. Мал перед глазами стоял.

Как он там? Может, ранен? Может, лежит мечами изрубленный? Может быть, волки злые его тело изломанное рвут?

Нет. Не может. Жив он. Сердце чувствует, что жив. Дажьбоже Великий, неужели ты допустишь гибель внука своего? Помоги ему из беды выбраться...

А Игорь, молчанием княгини ободренный, продолжал ее уговаривать:

– Сама посуди, Древлянская земля рядом с Полянкой. От границы до Киева всего день пути. Полюдьё огнищане твои будут платить не великую. А дом твой под надежной защитой будет.

– Подожди, – словно во сне сказала Беяна. – Где ж это видано, чтоб не князь, а княгиня правила? И потом, у Мала наследник есть. Добрыня.

– Так княжич вместе с отцом на ятвигов пошел. Как знать, вернется ли...

В голос завывла княгиня Древлянская. Неужто и сын рядом с отцом лег? Нет. Нет. Нет! Не может быть такого! Совсем разум от горя потеряла.

Обнял ее Игорь. К груди прижал. А сам уговаривает:

– Не рви ты себе сердце. Жива дает, Марена забирает. Так исстари повелось. Не нами этот Мир придуман, не нам его и переделывать, – и вдруг целовать ее начал в щеки от слез соленые, губами жаркими стал ее губы искать. – Ты женой моей станешь, – шепчет. – Мы еще детишек нарожаем. Дочка твоя мне как родная будет.

– Есть же у тебя жена, – попыталась Беяна вырваться.

– Ну и что? – не выпускал ее Игорь. – Кагану можно хоть одну иметь, хоть тысячу. И все законными будут.

– Н-н-нет! – все же вырвалась княгиня. – Не бывать этому! Жив муж мой! И сын жив! Отойди от меня, постылый! Не будет по-твоему! Не смешается кровь наша! Ты! Полукровка самозванный! – и на кагана кинулась.

Старалась глаза выдрать, да только по щеке ногтем полоснула...

Оттолкнул ее Игорь. Отлетела она, точно перышко. Через перила низкие перевалилась. Упала с башни, словно лебедь с крылом подраненным. О землю навзничь ударилась. «Любый мой» – прошептала. И затихла. Белым пятном на черной земле.

Взревел на башне каган Киевский. А потом вдруг сник. Сполз на пол. Уставился в одну точку и сказал тихо-тихо:

– Не виноват я... не виноват...

А напротив дозорной башни, на стене Коростеньской, болярин Путята трясущимися рукам пытался на тетиву стрелу наложить. Не получалось. Слезы глаза застили. Ругался он на себя. Зло ругался. В глупости себя винил. Проклинал тот день, когда секрет зелья узнал. Понимал, что смерть княгини Древлянской на его душу камнем тяжелым легла...

– Конунг! – донеслось от ворот. – Конунг! Гонец от Свенельда прискакал! Вырвался Мал! Завтра к полудню здесь будет.

Сколько лет Путята на душе тот камень носил? А вчера не выдержал. Хлебнул, да все и выложил. Как оно на самом деле было. Каялся. Просил, чтоб я смертью его бил. Кричал, что не может он больше такую вину в себе таить. Плакал навзрыд, как маленький. И я, помнится, тоже плакал. Хмель из себя выпускал. И горе лютое. А потом простил я его. Не воевода виноват. Доля судьбу такую матери сплела. Любит она над жизнями человеческими потешиться. Ох, любит...

Глава третья Любава

16 июля 942 г.

В своём тяжелом забытии я слышал невнятное, непонятное бормотание. Будто рой встревоженных пчел решил сделать улей в моей голове. Вот только у матки была человеческая голова, и она бубнила и бубнила мне что-то на ухо.

Потом мне вливали в рот горькое вонючее зелье. И от этого жар разливался по телу. Едкая вонь заполняла нос, рот, пылала огнем в груди. И чудилось, что голова от этой отравы светлеет...

Несколько раз мне казалось, что я прихожу в себя...

Расплывчатые пятна приобретают форму, но, кроме горевшего синим пламени, я ничего осознать не мог...

И опять – погружение то ли в сонное, то ли в бессознательное небытие...

И вновь глухое бормотание, пробирающее до костей...

Иногда я разбираю отдельные слова, но смысл их ускользал от меня. И я снова и снова пытался понять, – жив или уже нет...

Только голос, беспощадно однообразный, подсказывал мне, что я все еще в Яви. Но сколько я не старался, не мог понять, кто бормочет: мужчина или женщина.

Да и какая разница, кто месит тесто, чтобы испечь хлеб...

Ведь... я стал тестом... Пышным, липким, холодным и податливым... И чьи-то сильные руки мяли меня, шлепали обо что-то твердое... Растягивали и скручивали... Сжимали и взбивали... От этого мне становилось все лучше...

И гордостью я преисполнился оттого, что вскоре из меня выпекут каравай... Каравай, каравай, кого хочешь выбирай...

Выбрал.

Жарко.

Пахнет лугом. Травами медвяными и горьким чем-то. Аж дышать тяжело.

Яркий луч резанул по глазам, едва я только приподнял веки. Снова зажмурился. Во рту пересохло. Показалось, что вот-вот губы потрескаются от нестерпимой жажды, и горячая кровь брызнет ручьем. И тогда я напьюсь...

– Пить...

– Слышала, Любава? – женский голос был мне не знаком. – Пить просит. Значит, прав был знахарь. На поправку княжич пошел.

– Смотри, мама, у него веко дергается, – только девчонки, а голосок был девчачий, мне не хватало.

– Где я? – мне понадобились все силы, чтобы сказать это.

– Тише. Тише, княжич, не то снова уйдешь. Слаб ты еще больно.

– Где я? – этот вопрос не давал мне покоя.

– Мама, что он меня не слушает? – в голосе девчонки послышалась обида.

– Все они, мужики, такие. Сначала не слушают нас, а потом мучаются. Ты не смотри на него. Давай тряпицу сюда. А ты, княжич, силы береги. В бане ты. В бане.

Я осторожно открыл глаза.

Свет врвался в темноту жарко натопленной бани через маленькое оконце под потолком. И в этом ярко-желтом луче проявился худенький девчачий образ. Мне показалось, что это сама девчонка светится, разгоняя тьму.

– Ты красивая, – я не знаю, как такие слова могли сорваться с моих губ.

– Дурак, – сказал образ и показал язык.

– Да будет тебе, Любава, – сказала женщина. – Разве не видишь? Не в себе он. Небось, подумал, что ты навка какая.

Она приподняла мне голову и влила в рот что-то теплое и очень-очень вкусное.

– Ешь, ешь. Поди, изголодался. Седмицу целую одними отварами тебя отпаиваю.

Долго уговаривать меня не пришлось. Я сделал еще один большой глоток. Потом еще.

– Что? Хороша похлебочка? – девчонка подошла поближе и мягкими пальцами убрала волосы с моего вспотевшего лба.

– Угу, – промычал я и сделал еще глоток.

– Mamka старалась, крысу эту в трех водах вываривала.

Я поперхнулся. Выплюнул варево. В животе противно заурчало. И тошнота подкатила к горлу.

– Ты чего, шутоломный? – рассердилась женщина.

Вытерла с груди мой плевки и строго посмотрела на девчонку:

– Зачем ты так?

– А что тут такого? – пожала плечами Любава. – Жить захочет, и не такое проглотит, – и прочь отошла.

– И верно, княжич, – женщина повернулась ко мне и вновь поднесла к моим губам миску, – ничего зазорного в этом нет. Крыса зверь чистый. Абы чего не сожрет. А мясо у нее полезное. Силу дает. Ешь.

– Знал бы он, из чего ты отвары творила... – из дальнего угла подала голос девчонка.

– А зачем ему знать? – улыбнулась женщина. – Ему сейчас не знать, а выздоравливать нужно. Хочешь жить, княжич? Тогда ешь и не противься.

Она подсунула свою маленькую крепкую ладошку под мой затылок и ткнула миску мне в губы.

– Ешь, – твердо сказала.

Делать нечего. Пришлось разжать зубы и сделать еще глоток. А похлебка была действительно вкусной.

– Вот и славно, – сказала женщина, когда я проглотил остатки, и тряпицей утерла мне губы. – Теперь точно на поправку пойдешь.

Она встала с моей постели. Отошла. Поставила миску на небольшой стол, заваленный пучками трав и низками кореньев. Выбрала среди этой груды один пучок. Пошептала над ним что-то и бросила траву в огонь.

Трава вспыхнула и погасла, а по бане потекло сладкое тягучее благоухание. По телу пробежала теплая волна, и я понял, что слабость и голод отступают.

– А вы чего телешом? – спросил я, когда в голове немного прояснилось.

– Так жарко же, – сказала девчонка. – А мы вокруг тебя почитай седмицу целую пляшем. Думали, что совсем в Сваргу уйдешь, да, видно, рано тебе еще. Ну, вставай. Чего разлегся-то?

– Экая ты пряткая, – женщина посмотрела на меня с сочувствием. – Ему еще дней семь нужно, чтоб совсем в себя пришел. Три дня лежнем лежать. А уж потом и ходить сможет.

Три дня. Три долгих дня меня откармливали, словно пороса. Отпаивали свежей горячей свиной кровью. Меня выворачивало от нее, но я пил. Три дня меня пеленали в пропитанные отварами льняные холсты. Выпаривали, вымывали и снова выпаривали. Женщина и девчонка

пестали меня, словно тряпичную куклу. И заставляли молчать, стоило мне только раскрыть рот, чтобы спросить о наболевшем.

Три долгих дня я не знал, так что же на самом деле произошло со мной. Как я оказался в доме крепкого огнищанина Микулы, жена и дочь которого выхаживали меня.

Сколько я ни приставал к Любаве и Берисаве, жене Микулы, с расспросами, они молчали, как рыбы. Дескать, мне нельзя много говорить и много думать.

Пару раз в баню, где я лежал спеленатый, как дитя, заглядывал и сам Микула. Он был немногим старше моего отца, но был гораздо больше его. Выше и шире в плечах. Он мне казался огромным сказочным великаном-волотом. Большие, натруженные руки с крепкими шершавыми ладонями. Широкие плечи. Суровый взгляд из-под кустистых бровей. Поначалу он меня даже пугал, но потом я понял, что за его мощью и невероятной силой сокрыто доброе и отзывчивое сердце.

Он подходил к моей лавке, осторожно присаживался на самый краешек, так что лавка потрескивала под его тяжестью, поправлял мои пелены и спрашивал:

– Ну, как ты, княжич?

– Хорошо, – отвечал я.

– Ну и ладно, поправляйся, – говорил он, улыбался открытой детской улыбкой, гладил меня по голове, точно кутенка, тяжело вздыхал и уходил, тихонько притворив за собой дверь прибанника.

Берисава была совсем другой. Маленькая, шустрая, веселая. Но в то же время крепкая и настырная. Она не принимала никаких возражений и отговорок, если считала, что поступает правильно. А считала она так почти всегда. И, надо отдать ей должное, почти всегда оказывалась правой. Именно ей я был обязан жизнью.

А Любава... о ней можно говорить долго. На первый взгляд она ни чем не отличалась от тех девчонок, которых я знал. Вот только было в ней что-то такое, что заставляло быстрее биться сердце, а ноги начинали ныть, словно я целый день бежал за оленем, да так и не догнал.

Приятные мурашки пробегали по телу, когда она входила ко мне. Когда садилась рядом. Когда трогала своими мягкими пальчиками мой лоб.

Я не знал, что со мной происходит. Почему эта девчонка вызывает во мне такую бурю чувств?

21 июля 942 г.

Я проспал до вечера...

И сон мне странный снился

Словно я маленький совсем. И луг вокруг огромный. Цветами раскрашен. А я посреди стою. И небо надо мной синее-синее. Высокое. Радостное.

И понимаю я, что Мир большой-большой. И я в нем всего лишь частичка малая. И смешно мне от этого чувства. И страшно, аж дух захватывает. И смеюсь я, и плачу одновременно. Маленькому-то плакать не зазорно.

Тут смотрю – мама ко мне подходит. Светлая. Чистая. Вся светится.

– Добрынюшка, – говорит. – Мальчик мой. Как вырос-то ты! Каким пригожим стал.

Берет меня за руку. И ведет сквозь туман, невесть откуда налетевший. А я за мамкину руку держусь. Потеряться в тумане не хочу. И вдруг понимаю, что нет уже ее руки. Пропала. Хватаю, хватаю вокруг ручонками. Только в ладошах туман один остается.

И горестно мне оттого, что один я остался. И понимаю, что теперь самому тропинку из тумана искать. И вроде, сразу не маленький я, а такой, как есть.

Бреду через туман, а он все не кончается. И хочется мне опять на тот луг, да догадываюсь, что возврата нет...

– Княжич, – слышу, зовет кто-то. – Княжич!

А я понять не могу, то ли сон это продолжается, то ли Явь уже...

– Княжич!..

– Кто это?

– Это я, Микула.

Тут и проснулся я.

– А Любава где?

– С ней все хорошо будет. Слышишь, княжич, встать тебе надобно, – он неуклюже переминался с ноги на ногу.

– Что? – встрепенулся я. – Варяги опять?

– Нет. Тебя Берисава ждет. Для тебя и для Любавы обряд приготовила. Будет из вас страх выгонять. Ты как? Сам-то дойдешь, или отнести тебя?

– Сам дойду, – отвечаю.

Я скоро пожалел, что отказался от Микулиной помощи. Кое-как спустился из горницы. Наступать на истыканые сучьями и хвоей ноги было больно. Опирались на иссеченные пальцы – еще больней. Тело ныло так, как будто меня вчера целый день Гридя со Славдей мутузили, а все Поборовы лучники им помогали.

Кое-как добрался я до коновязи, где на этот раз был привязан не ратный давешний конь, а рабочий, чуть зануженный, но сытый и довольный жизнью мерин.

– Давай, княжич, – Микула подсадил меня. – Дорога не близкая, но нужная.

Он рванул узду. Мерин горестно вздохнул и поплелся за хозяином.

Микула вел мерина под уздцы. Дорога оказалась и впрямь неблизкой. Я сидел на широкой спине мерина. Сидел и радовался тому, что огнищанин не видит, как мне тяжело дается дорога. Я старался не замечать ни усталости, ни боли. Ведь худо или бедно, но я ехал, а не шел пешком.

Между тем небо потемнело. А вскоре и вовсе скрылось среди разлапистых ветвей. Прошло еще немного времени, и я уже с трудом мог различить уши моего коняги.

А Микула все шел и шел. И я никак не мог понять, как же он различает тропу.

– Долго еще? – не стерпел я.
– Да пришли уже, – услышал в ответ его голос. – Видишь, вон Берисава костры запалила. И верно. В бездонном мраке леса засветились яркие огоньки.
– А Любава там?
– Я еще с полудня ее перенес.
– Не пришла она в себя?
– Она, вроде как в себе, – сказал Микула растерянно. – А вроде как спит. Мать говорит, это страх на нее напал. Да скоро сам увидишь.

Вскоре мы и вправду вышли на поляну. По краям ее пылали костры. Двенадцать. По кругу. А посередине поляны торчал из земли огромный валун. Говорят, что когда волоты⁴² супротив Богов восстали, они этими валунами в Божье Воинство кидались. Китоврас⁴³ им тогда такого задал. В него же, скакового, не так просто попасть. Вот и разбросаны такие камни по всей Древлянской земле.

Люди вокруг них собираются. Ведуны требы приносят. Кошуну поют. Через них с Богами разговаривают. Сколько в камнях этих силы волотовой накопилось? Попробуй, сосчитай. Непростые то камни. Нужные.

Вот на таком камне, посреди освященной Огнем поляны, лежала Любава.

Берисава уже раздела ее. Руки и ноги веревками стянула. Распластала ее на валуне. Да прокричала что-то. Не расслышал я.

Тут она нас увидела. А я ее рассмотрел. Простоволосая она стояла, точно девка. Венок из трав на голове. Закутанная в расшитое полотно. Босая.

– Иди сюда, княжич.

Слез я с мерина. Микула меня вперед подтолкнул.

– Иди, – говорит, – а я пошел отсюда. Нельзя мне здесь, – рванул мерина за узду и в лесу пропал.

А я в кольцо огненное вошел. Жаром костры пылают. Светло в коло⁴⁴, как днем.

– Снимай с себя все, – сказала ведьма, – да мне давай.

Скинул я себя рубаху. Порты спустил. Берисаве отдал. А она их на клочки ножом расплосовала. На двенадцать частей, и по части в каждый костер бросила.

– Прими, Огнь Сварожич, старую одежду, старые боли, старые страхи, старые немощи. Спали их сердцем горячим своим. Чтоб не было их боле ни в Яви, ни в Нави. Чтобы Правь от нас не загоразивали, – подкармливала она Огонь моими недугами.

Потом ко мне подошла.

– Руки давай, – говорит.

Я руки протянул, а она на них петли ременные накинула.

– Пойдем, княжич, – потянула она за ремни, и я пошел за ней.

Она меня к валуну подвела. Уложила на него, так, что мы с Любавой оказались голова к голове. Растянула ведьма ремни. Накрепко меня привязала. Так, что я даже дернуться не смог. Потом чую, она мне и на ноги петли накинула. Через мгновение я был привязан так же, как и Любава. Так мы и лежали на валуне, распятые.

– Это чтоб ты не побился сильно, когда страх из тебя полезет, – пояснила она.

⁴² Волоты – Великаны. Чем-то схожие с античными Титанами.

⁴³ Китоврас (Полкан) – полу конь, полу человек. Кентавр.

⁴⁴ Коло – круг. Годичное колесо. Колесо Жизни. Колесо перерождений. Славянская Сансара.

– Услыши, Мать-Рожаница⁴⁵, внучку свою! – вдруг заголосила ведьма. – Помощи жду от тебя, Мира создательница! Из неживого в живое оборачивающая. Приди к внучке своей. Помоги защитить чада свои!

И понял я, что женский обряд начался. Древний, как сам этот Мир.

А Берисава полотно с себя скинула. В одном венке осталась. Точно навка лесная. На колени возле валуна села, глаза закрыла, раскачиваться начала. Стонать. Все громче и громче этот стон. Уже в звук обратился. Красивый. Глубокий...

– А-а-а-а! – над поляной летит и в ветвях гаснет.

А костры ярко горят. Глаза слепят.

Тут, на самом высоком звуке, Берисава опять застонала. Раскачивается все сильнее. Волосы ее длинные по земле волочатся. Вокруг ведьмы узор хитрый плетут.

Вдруг остановилась она. Замерла на мгновение. Глаза раскрыла. Смотрю, а взгляд у нее чужой. Будто и не здесь она вовсе, а не знамо где.

Встала она с колен. К валуну подошла, да как ударит ладонью по камню. И валун зазвенел. Точно и не камень вовсе, а бубен, козьей кожей обтянутый. А Берисава еще раз по камню ударила.

А он задрожал в ответ. Гул по поляне раскатился. И дрожь через меня прошла⁴⁶. А ведьма снова что-то заголосила. Запричитала жалобно, точно плакальщица на тризне. И опять в камень бу-бух.

Дрожь меня волной накрыла. Прокатилась сквозь меня. А тут снова бу-бух.

И опять...

Я вдруг понял, что с новой волной и меня из тела выбросило. Будто сверху я на себя смотрю. И с каждым ведьминым завыванием, с каждым новым ударом по валуну меня все выше и выше поднимает.

Оказался я под самой кроной огромных сосен, обступивших поляну. И все, что в коло творится, я видеть могу. И Берисаву. И валун. И нас с Любовой, на валуне распластанных. А потом я увидел, как с новым ударом от тела девчонки яркое облачко... морок белесый оторвался. Вверх поднимается. Рядом со мной повисло. И догадался я, что это истинная Любава из тела своего вышла. Пригляделся я, и точно. Облачко на нее похоже стало. Всмотриваюсь в морок, а разглядеть в нем Любаву не могу. И она это вроде, а может, и почудилось.

Тут слышу – гул камня затих.

Берисава кощун затянула. Тоже странный. Слышу слова, а понять что поет не могу. Ускользает...

А ведьма вокруг валуна плясать начала. В ладоши хлопает, чтоб не сбиться. Кружит вокруг нас. Рукам и ногам волю дает.

Смотрю, а из наших тел чернота полезла. Сгустки тумана грязного. Неохотно выбираются. С трудом. И остаться бы рады, но сила неведомая их с ведьмой плясать тянет.

А тела наши от этого корежит. Жилы натягиваются. Руки-ноги судорога скрутила. Ремни крепкие вот-вот лопнут. А сгустки черные все лезут и лезут.

Корогодом они вокруг ведьмы завиваются. И все больше и больше их становится. Вон вижу пасть медвежью оскаленную. А вон тот сгусток на варяга угрюмого смахивает. А этот на топор занесенный...

Крутятся. Вертятся страхи мои. А от них и Любавины не отстают. Еще немного, и захватят ведьму. И тогда не будет ей возврата в явный Мир. А она все пляшет. Словно приманивает

⁴⁵ Мать-Рожаница – Женская ипостась Рода. Прародительница Всего. Женское начало Сущего.

⁴⁶ «Звучащие» камни до сих пор можно встретить в средней полосе России, в Белоруссии и на Украине. Например, знаменитый Конь-камень.

их. Дескать, вот она я. Берите меня тепленькой. И страхи набрасываются на нее. Но никак не могут поймать. Она все время в немислимом танце своем ускользает от их цепких объятий. Уворачивается от атак и наскоков. И уже непонятно, что это? То ли танец, то ли бой не на жизнь, а на смерть.

И хочу я ей помочь, а не могу. Как спуститься мне пониже? Как к телу подобраться? И надо ли? Мне и здесь хорошо. Ни тревог, ни забот, ни надоевшей боли. Виси себе спокойно-ненько. Болваном бестелесным между небом и землей болтайся. И не нужно тебе ни еды, ни питья, ни любви...

А ведьма уже уставать стала. Пот ручьями. Волосы в космы сбились. Колтунами ошетились. Нелегко ей со страхами нашими выкруживать. Сил-то много надо, чтобы напор такой сдерживать...

Я на тела наши смотрю, а они уже дергаться перестали. Только у меня колено правое слегка подрагивает. Видать, какой-то страх во мне слишком глубоко сидит, чтоб на ведьмин призыв поддаться.

А Берисава уже на последнем вздохе. Еще чуть, и войдет в нее чернота. Только она вдруг вскрикнула, да через костер сиганула. Потом через другой. Третий...

Прямо сквозь пламя она пролетает. А страхи за ней кинулись. Только после каждого костра, после огненной купели, их все меньше и меньше становится. Вот и последний костер. Двенадцатый. Пролетела ведьма сквозь него. Упала наземь. Закричала победно. Радостно. Руки кверху вскинула. А потом на четвереньках к валуну подползла, в последний раз по нему ударила и упала без чувств.

Гул от камня волной поплыл. Накрыл меня. Закрутил. И почувал я, как в бездну проваливаюсь. В тело свое возвращаюсь...

Я глаза раскрыл. Утро уже. С меня путы сняли. И я, на камне свернувшись калачиком, лежу. А камень холодный. От него озноб по телу.

Костры догорели. Дымом чадят. А надо мной Берисава стоит. Умытая, причесанная. В красивом расшитом сарафане. Плат женский ее голову покрывает. Стоит, смотрит на меня.

– Прости, княжич, – говорит. – Но все твои страхи я забрать не смогла. Придется тебе самому с ними бороться.

– Ничего, – я ей отвечаю. – Поборю как-нибудь.

И вдруг:

– Мама, холодно, – я Любавин голос услышал...

24 июля 942 г.

Мы с Любавой сидели на бревне. Так же, как несколько дней назад. Так, да не так. Другими мы стали. Не похожими на прежних. Особенно она.

Прошло уже три дня, как Любава в себя пришла. Только изменилась она. И ходит вроде, и разговаривает, и на шутки мои улыбаться пытается, а все равно, как чужая. Словно не здесь она.

Идет по двору. И вдруг встанет. И на небо смотрит. Долго-долго. Вздохнет и дальше пойдет.

А то давеча я у нее спросил что-то, а она на меня взглянула, да как закричит. Как бросится прочь, точно это и не я вовсе. Насилу мы ее с Берисавой в тот раз успокоили.

А сегодня с утра она вроде тихая. Мы с ней о лете, о цветах разных разговариваем. Она ничего. Может, и вправду в себя пришла?

Я возьми, да и скажи:

– Ну, что, Любава? Ты пойдешь за меня? – как будто в шутку сказал, и сразу пожалел об этом.

А она на меня посмотрела серьезно.

– Вижу ты, и правда, мал пока, – отвернулась.

Чую – заплакала. Только что я поделать могу...

И тут смотрю, из леса всадник показался.

– Любава, – шепнул я тихонько, чтоб не напугать ее. – Иди-ка ты в дом. Тебя матушка звала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.